

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/13362243>

Тёмное правосудие

Направленность: Гет

Автор: MBelinskaya (<https://ficbook.net/authors/1222308>)

Беты (редакторы): Anya Brodie (<https://ficbook.net/authors/3153859>)

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер», Гарри Поттер, Кристи Агата «Убийство в Восточном экспрессе» (кроссовер)

Пэйринг и персонажи: Драко Малфой/Гермиона Грейнджер, Мсье Бук, Эркюль Пуаро, Сэмюэл Эдуард Рэтчетт

Рейтинг: R

Размер: 67 страниц

Количество частей: 6

Статус: завершён

Метки: Счастливый финал, ООС, Романтика, Юмор, Драма, Стёб, Смерть второстепенных персонажей, Элементы детектива

Описание:

Сесть в Азкабан — нет, это не правосудие, а всего лишь мера наказания, из которой заключённый рано или поздно выберется. Правосудие — это раскаяние, когда волшебник, что пытал женщин, загоняет кинжал себе в глотку внутри одной из камер Азкабана. Вот что такое правосудие в понимании Драко Малфоя. И именно из-за этих взглядов его жизнь стала пустой.

Примечания:

Данная работа написана в рамках проекта #сумасшествие, организованного авторами Mad_sel (https://t.me/cozy_madness) и tit_a (<https://t.me/friendmalfoy>). Окунитесь в мир наших фантазий и любимых книг ☐

Роман «Убийство в Восточном экспрессе»

Трейлер фанфика <https://www.youtube.com/watch?v=IH6hWQXlzY4>

Невероятная Чеслава также озвучивает данную работу на своём канале, главы здесь https://www.youtube.com/playlist?list=PLm-LajVMCO2F6K6_VwSRio46kHTXw7pkX

Посвящение:

Прекрасно Лене, которая подбила меня на это чудо) Лере, Софе и Тае, что поддерживали меня в написании, малышке Летте и её горящим глазам от предвкушения, жаждущей этой истории Кате. И людям, что внесли работу магию — Любе, подарившей нам обложку, и Броуди, что ночами бетила текст, потому что я сдала его непозволительно поздно.

Именно благодаря этим людям работа сейчас перед вами, встречаем!

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора / переводчика

Оглавление

Оглавление	2
Акт 1 «Фатальная ошибка»	3
Акт 2 «Поездка в Кале»	12
Акт 3 «Потребность обладать»	26
Акт 4 «Игра в покер»	38
Акт 5 «Моя женщина»	48
Акт 6 «Свидетель преступления»	56
Примечание к части	70

Акт 1 «Фатальная ошибка»

Гарри учил Гермиону доверять Малфою. Утверждал, что служба аврора пошла тому на пользу и он изменился. *Стал совершенно другим человеком.* Джинни убеждала её в том же, говорила о последних подвигах некогда Пожирателя смерти и восхищалась его способностью раскрывать самые заковыристые дела. Даже Рон — тот, кто со скрежетом зубов защищал Малфоев в суде, — отзывался о Драко вполне сносно, отмечал его заслуги перед Авроратом.

Все те люди, которые ненавидели Малфоя, презирали и в сердцах желали смерти, словно под Обливейтом, стали его ярыми защитниками. Иногда Гермионе казалось, что они все под Империиусом, который искусный владыка тёмных сил освежал при каждом рукопожатии. Но за тот год, который она отработала в команде с Гарри и Малфоем, ничего подобного не заметила. Хотя и очень старалась.

Ни один предмет в школе, дело в отделе тайн или загадка Хогвартса не давались ей столь сложно, как попытки уличить Малфоя в проступках.

Порой Гермионе казалось, что она уже не искала зацепки, чтобы обвинить Драко в неверности нынешней власти, а просто упрекала его в каждом неверном шаге. Видит Мерлин, если бы они работали в паре, на его или её руках уже точно была бы кровь напарника — настолько сильно она пыталась обвинить его в предательстве, а он ненавидел её за это. Но Гарри, предугадав подобный расклад, вклинился в их команду третьим, учтиво сглаживая каждый острый угол на пути двух непримиримых врагов.

Часто так бывало, что Гарри старался поговорить с Гермионой начистоту. Выпытывал, что же её так настораживало в Малфое. Но в ответ получал лишь стандартные ответы о его прошлом и о том, что хорошая служба в Аврорате и пара позитивных отзывов не отменяли всех прегрешений.

Одно дело, когда они спасали его семью от Азкабана, — по мнению Гермионы, тюрьмы они не заслуживали, — но совершенно другое, когда бывший преступник становился на сторону правосудия и вершил его той же палочкой, которой пытал. Для неё это было настоящим надругательством над профессией аврора, и она не могла Малфою такого простить.

Это была одна из причин её недоверия к нему, которую Гермиона искренне считала самой верной, оправдываясь перед собой. Но в глубине души она понимала, что дело в другом...

— Тебе стоит отдохнуть, — произнёс Гарри и встал из-за стола, обходя его. — Это дело вымотало нас.

Гермиона, которая читала книгу, лишь улыбнулась и откинулась на спинку кресла, тяжело выдыхая.

— Как ты умудряешься ещё и текст воспринимать? — усмехнулся Поттер и подошёл ближе, всматриваясь в героев на обложке.

Гермиона тоже взглянула на неё и громко зачитала:

— «Убийство в Восточном экспрессе». Мама сказала, что это история о том, как разные люди ради общей цели способны стать подельниками, — улыбнулась она и положила книгу на стол, внимательно смотря на Гарри.

И лишь сейчас она заметила, насколько он был встревожен. Нервная улыбка, скованная поза, покрасневшее лицо и немного съехавшие очки. Это амплуа всегда предупреждало о не лучшем разговоре. А в свете её последней перепалки с Малфоем речь явно пойдёт о разногласиях в их небольшой команде.

Вечер становится не таким и хорошим...

— Мне бы книгу, как создать команду, где друг друга не хотят убить, — смеясь, произнёс Гарри.

Вот оно. Его любимый трюк. Представить новость в виде шутки, а после медленно раскручивать её до состояния «Гермиона, ты должна».

— Не хочу обсуждать Малфоя, Гарри, — твёрдо заявила она и поднялась со стула, спешно закидывая книгу в сумку. — Я очень устала, дома меня ждут кот, хорошая книга и...

— Мне предложили должность главного аврора, — на выдохе сказал Гарри и резко замолчал.

Гермиона, которая в этот момент задвигала стул, так и замерла, с неподдельным удивлением смотря на побледневшего Поттера. Его встревоженный взгляд бродил по лицу Грейнджер, словно он пытался угадать, что сейчас происходило в её голове, не надеясь на лучшее. Но вопреки его опасениям её губы расплылись в улыбке, и она швырнула сумку на стол, подходя и крепко обнимая Поттера за шею.

— Гарри! Невероятно, — радостно воскликнула она, чувствуя, как его руки опустились на её плечи. — Я так рада за тебя. Ты заслужил эту должность!

Она отстранилась, всё ещё широко улыбаясь, однако Поттер, будто не разделяя тех же эмоций, лишь многозначительно кивнул. Гермиона свела брови к переносице, по началу не понимая его волнения, а после убрала от него руки, осознавая, к чему идёт разговор.

— Я не могу уйти, зная, что вы перегрызете друг другу глотки, как только за мной закроется дверь, — наконец сказал он.

Гермиона сделала несколько шагов назад, отодвинула стул и села на него, предвкушая, что сегодняшней вечер уже не закончится так прекрасно, как она хотела бы. Гарри опёрся ладонями о стол, нависая над ним, и внимательно посмотрел ей в глаза. Настойчивый взгляд был готов прожечь дыру.

— У нас самая лучшая раскрываемость именно потому, что вы работаете в команде. Твои таланты к анализу информации и подход Малфоя...

— В прошлую пятницу он довёл подозреваемого до попытки суицида, Гарри, — напомнила ему Гермиона. — Окрести ты это хоть талантом — менее ужасным он не станет.

Поттер в ответ поник и завёл руку за затылок, нервно его потирая. Обычно в такие моменты он уходил, понимая, что не добьётся от неё диалога, но не сейчас. Гарри готовился к этому разговору, теперь Гермиона осознавала, что его просьба посидеть с ним, пока Малфой не вернётся, оказалась ловушкой. *От собственного друга.*

— Его методы не совсем обычны...

— Они ужасны, — уже злилась Гермиона. — У Малфоя все задатки преступника. Удивительная изобретательность. — В эту минуту Гарри ухмыльнулся. — И никакого уважения к закону. Он игнорирует правила всеми способами, которые возможны.

Она сжала пальцами переносицу и опустила взгляд. Сама мысль, что ей придётся работать с ним бок о бок, была сравнима с Сектумсемпрой по уровню изнеможения. Разовый диалог с Малфоем забирал у неё все силы, а если они останутся один на один... Видит Мерлин, Гарри займёт должность главного аврора сразу после похорон. Иначе и быть не могло. В её голову не проскальзывала даже мысль, что должно произойти, чтобы они сработались хотя бы на несколько дней.

— Такие люди нужны руке правосудия, — неожиданно строго произнёс Гарри, заставляя её взглянуть на него. — Те, кто будет искать выход, а не следовать правилам, Гермиона. Недостаточно быть храбрым и умным, чтобы поймать преступника. Порой необходимо стать им.

— Меня радует, что ты осознаешь, кто прикрывает тебя, — нервно хмыкнула она.

— И тебя, — добавил он. — Несмотря на то, что ты вечно стараешься принизить каждую его заслугу, он, не задумываясь ни на миг, закроет тебя собой, Гермиона.

На это Грейнджер ему не ответила. Болезненный укол истины заставил её поёжиться. Она знала: Гарри прав. У неё не было видимых поводов ненавидеть или не доверять Малфоем. Драко в девяносто девяти процентах из ста спасёт её, если они окажутся в беде. Гермиона всё понимала, но всячески отказывалась принять.

Но была вещь, касающаяся Малфоя, которую она не хотела ни понимать, ни принимать. Это непреодолимая тяга к человеку, настолько сильному и волевому, что он способен заставить говорить правду одним взглядом. Признаться честно, на те самые допросы, что Гермиона лицемерно называла недопустимыми, она засматривалась. И не как профессионал или коллега, а как девушка, находившая в Малфое все те черты, которые желала видеть в собственном мужчине.

У неё были отношения. Самые долгие с Роном. И в них все желания исполнялись лишь наполовину. Там не существовало равных: была она, подавляющая его под своё мнение, и был он, не сопротивляющийся этому. Подобный союз отвечал её требованиям поначалу — её не ущемляли, она могла делать всё, что ей заблагорассудится, быть кем захочет и иметь вес в семье не меньше мужского.

Но со временем отсутствие заботы, безразличие к успехам, слабость и неспособность стать поддержкой сыграли роль. То, в чём Гермиона находила отраду, постепенно превратилось в то, чего ей не хватало.

Малфой не Рон. Смотря на Драко, она видела силу, уважение к знаниям, искреннюю радость за успехи друзей, умение быть опорой и заботиться о близких. В Малфое было всё, чего ей так не доставало, но недоверие к нему, страх, что в один момент его сила станет жестокостью, не отпускали. Однажды он уже предал школу, и она не была уверена, что это не повторится.

А подступиться к нему, дабы узнать лучше, не давал стыд за изначальные попытки уличить в предательстве. Поэтому она ненавидела Драко. За то, что боялась приблизиться к нему...

— Обещай подумать, — произнёс Гарри и подошёл к своему столу, накидывая пиджак. — Если ты будешь категорически против, я заменю вам напарников, но не отказывайся от Малфоя.

Не отказывайся от Малфоя...

Голос Гарри вторил в её голове, подталкивая к мысли, что тот уже согласился. *Поэтому он вовремя ушёл и не возвращался так долго.* С его талантами в общении с девушками он уже пятнадцать раз мог получить нужные документы в архиве, но всё ещё не вернулся.

Когда Поттер развернулся, уже собираясь уходить, Гермиона подняла на него взгляд.

— Как давно ты ему сообщил? — отстранённо спросила она.

Гарри повернулся к ней и опустил голову.

— Месяц назад, — ответил он.

Гермиона поджала губы, ощущая, как глаза защипало от слёз, уже готовых покатиться по щекам. Обида захлестнула её, заставляя сжаться в кресле, чтобы спрятаться от всего. Для неё это было предательством. Столько времени скрывать, за её спиной строить план, как лучше сообщить, и сказать после тяжелого дела, в которое она вложила душу...

— Я подумаю, Гарри, — медленно кивнула Гермиона. — Но не над Малфоем. А над тем, стоит ли мне работать под началом человека, который предпочёл Малфоя мне.

С этими словами Гермиона развернулась к стене, где всё ещё висели улики из прошедшего дела. Слёзы предательски покатались по щекам, и она прикрыла лицо ладонями, отрицательно качая головой. Когда год назад Гермиона переходила из отдела магического правопорядка, она надеялась, что в Аврорате ей станет лучше. Предыдущие коллеги никогда не видели в ней ничего выдающегося, считая не кем иным, как выскочкой. А здесь находились её друзья: Гарри, Джинни, Рон. Они были рядом с ней столько лет, и она думала, что её поддержат. Но и это оказалось ложью.

Чувство ненужности когтистой рукой сдавливало горло, заставляя всхлипывать. На мгновение она оглянулась, осознавая, что Гарри ушёл. Либо он не нашёл смысла говорить с ней, либо посчитал её выбор верным. От подобных предположений захотелось закричать, но вместо этого она услышала лишь собственные сдавленные вздохи.

Гермиона считала, что ей больше здесь не место, — Аврорат стал её очередной ошибкой, фатальнее той, что она совершила, отправившись в отдел правопорядка. Поэтому сейчас было тяжелее.

Я уйду. Определённо. Покину Аврорат, как только напишу заключение об артефакте, который изъяли у преступника.

Гермиона кивнула, словно сама ещё не до конца верила в правильность своего выбора. Развернувшись к столу, она схватила салфетку, вытирая слёзы, и, посмотрев в зеркало, потянулась к артефакту, который нужно было изучить.

Он представлял из себя небольшой круг с золотой окантовкой. При одном взгляде на него Гермиона вспоминала маховик времени, который выглядел примерно так же, за исключением того, что внутри находились песочные часы. Здесь же вместо них было миниатюрное отделение с вырванным листом пергамента. Схватив со стола пинцет, она аккуратно вытащила его, осознавая, что это не магический лист.

Книга.

Её рука потянулась к сумке, Гермиона вытащила оттуда заветное чтиво, которое ей отдала мать, и сравнила два листа между собой.

Внутри магического артефакта лежала магловская бумага, не пергамент с волшебными чернилами, а самый обыкновенный отрывок из книги любой лондонской типографии.

Картина преступления медленно вырисовывалась перед её глазами: некий маг сводил других волшебников с ума, а после подчинял Империи уже ослабевший разум. И всё это с помощью похожего на маховик времени артефакта, внутри которого лежала магловская бумага. Та часть Гермионы, которая считала расследование законченным ещё пару часов назад, покинула её. Теперь Грейнджер понимала — она ещё ничего не знала о деле.

Дверь с грохотом открылась, и Гермиона положила артефакт в свою книгу, прикрыв страницами. Драко, ворвавшийся в их кабинет, быстрыми шагами подошёл к ней и, так же как и Гарри, опёрся руками на её стол.

— Что с тобой не так? — сквозь зубы произнёс он, смотря в её глаза.

— Сбавь тон, Малфой. Ты не на допросе, — в такт ему ответила Гермиона.

Все горести и обиды исчезли ровно в то мгновение, когда послышался его злобный голос.

— Ни один преступник не доставил нам с Поттером столько проблем, сколько твоя неугомонная натура, — ответил Малфой.

— Не беспокойся, — сказала она, ехидно улыбнувшись. — Скоро ты перестанешь тяготиться моим обществом.

Малфой выпрямился и скрестил руки на груди, склонив голову набок. Он несколько секунд рассматривал её, словно пытаясь высмотреть нечто инородное. От этого в её голове мелькнула мысль, что Драко заметил следы слёз, но она и не двинулась. Ей не хотелось давать ему лишний повод для гордости.

— Всегда считал, что самый твердолобый из вашей компании — Уизли, — ухмыльнулся он. — Но даже он смог перешагнуть свои недалёкие взгляды и принять меня. А он несколько лет не замечал твоих неразделённых чувств.

— Ты пришёл поговорить о подростковых влюблённостях, Малфой? — она вопросительно выгнула бровь.

— Всего лишь поражаюсь, что из-за меня ты готова уволиться, — прыснул Драко. — Раз ты уходишь, Грейнджер, скажи напоследок: чем я заслужил твою немилость?

Он начинал всё больше расплываться в довольной улыбке, что свидетельствовало о игривом настроении. Малфой уже явно видел Гарри, и, раз они так удачно спелись, навряд ли Поттер умолчал о результате своей беседы. От одной мысли, что они обсуждают её, у Гермионы руки зачесались вспомнить былое и ударить Малфоя ещё пару раз. Естественно, в сугубо воспитательных целях. Кто-то должен сбить с него спесь.

В ответ на вопрос она откинулась на спинку кресла и замолчала, не собираясь реагировать на попытки устроить перебранку. Но Малфой, по своей натуре человек едва ли учтивый или сострадающий, несколько не переживал, что останется без ответа. Гермиона знала его будущую тактику. Если с ним отказывались говорить, он развязывал язык. Иногда пытками, что она сразу отбросила, порой шантажом, но это тоже не подходило, но зачастую умелой манипуляцией на чувствах и знании противника.

— Давай погадаем, — сказал Драко и убрал руки в карманы брюк. — Быть может, дело в школе? Сколько раз я повредил твоё девичье эго своими оскорблениями?

— Я не настолько мелочна, Малфой, — прищурившись, ответила она.

Хоть Гермиона и признавала, что доля правды в его словах была, от воспоминаний о «грязнокровке» она до сих пор иногда терзала себя, но он не обязан этого знать. Малфой хотя бы раз в жизни должен уйти отсюда без ответов.

— Соперничество? — он ухмыльнулся. — Я точно обходил тебя по ЗОТИ и зельям три курса подряд. Помню, ты ещё часами после не вылезала из библиотеки. Всё хотела показать, что лучше меня...

Гермиона не знала, что больше её удивило: то, насколько он медленно пробирался по её сознанию, накидывая те же причины, которые предполагала она сама, или то, что он заметил такую незначительную деталь. Тот факт, что она стала больше времени проводить за учёбой. Неужели для него это было

важно? Или он специально добивался подобного, а после упивался победой?

— Я и так лучше тебя, Малфой, — она ухмыльнулась. — Мне незачем доказывать, я это знаю.

Драко многозначительно кивнул, а после обошёл её стол, протягивая ладонь к волосам Гермионы. На мгновение она ощутила, как его пальцы едва касаются кожи головы, и отстранилась, крепче сжав в руке книгу с артефактом.

— Что ты делаешь? — прошипела она, смотря в его глаза. — Или решил, что я твоим волосам завидую?

Малфой не ответил, лишь присел перед ней, внимательно рассматривая. В одну секунду она даже использовала окклюменцию, беспокоясь, что он пытается забраться в её голову. Но он этого не сделал, напротив, его взор, что сначала был гневным, после хитрым, начал отдавать некой нежностью с оттенком заботы.

Сердце стало биться чаще. Она видела этот взгляд — именно так он смотрел на каждую девицу, которую собирался затащить в постель.

— А может, дело в чувствах, а, Грейнджер? — медленно произнёс Драко. — Уизлетта говорила, что у тебя давно никого нет...

— Я даже знать не хочу, почему Джинни обсуждает с тобой мою личную жизнь, — выругалась она ему в лицо. — Но ты ошибаешься. Всё, что я испытываю к тебе, — желание сжать твою шею и...

— Интересуешься БДСМ? — он ухмыльнулся, вопросительно выгнув бровь.

Гермиона закатила глаза и отвернулась от него, не собираясь слушать продолжение бреда, что он нёс. К её удивлению, сознательный ум и хладнокровие покинули Малфоя именно в тот момент, когда Гермионе они были чертовски нужны.

— Моя маленькая Грейнджер, — его голос стал на тон тише, отчего мурашки пробежали по её спине, заставляя дрожать.

— Выбирай выражения, Малфой. Я аврор, а не твоя очередная шлюха, — злобно произнесла она.

— Разумеется.

Драко поднялся на ноги и обошёл её стул, вставая за спиной. Его пальцы скользнули от её локтя вверх по предплечью, медленно касаясь кожи. Вторая рука легла на шею Гермионы, аккуратно постукивая по выступающей венке. Грейнджер почувствовала тепло, которое тонкой струей прошлось по телу, бросая её в жар.

— К тебе нужен особенный подход, — шептал он, сдавливая её плечи.

Боль от его грубых прикосновений в мгновение сменилась негой наслаждения, заставляющей трепетать сердце. Малфой сжимал её кожу, массируя каждый участок уставшего тела, а после нежно поглаживал, словно

опуская в желанные грёзы. Она никогда не позволяла ему быть настолько близко, прикоснуться к себе. А сейчас это становилось самой ужасной ошибкой — его руки убеждали её забыть.

— Если бы я знал, что тебе нужно моё внимание подобного рода, Грейнджер, — он прижался губами к её уху, опалая кожу горячим дыханием, — мы бы с тобой стали лучшими напарниками уже очень давно.

Он оставил короткий поцелуй в области её шеи, окончательно отрывая Гермиону от реальности. Она прикрыла веки, отдаваясь приятному чувству, и расслабила руку, ощущая, как артефакт скользит вниз по страницам. Ровно за секунду до его падения Гермиона крепко сжала книгу и резко открыла глаза, подсакивая с кресла и оглядываясь на Малфоя.

— Больше никогда не смей так делать, — сквозь зубы произнесла она, видя довольную ухмылку.

— Понравилось? — он сделал шаг ближе, заставляя её вжаться в собственный стол. — Грейнджер, если всё твоё поведение обусловлено желанием — эту проблему я решу за несколько приятных минут.

Его рука коснулась её бедра, с силой сжимая, на что Гермиона замахнулась на него, намереваясь ударить, но Драко перехватил запястье, стиснув его. Он резко потянул её на себя, прижимая к груди.

— Я повторю свой вопрос последний раз, Грейнджер, — потребовал он. — Что с тобой не так?

Малфой смотрел так, будто бы ему действительно был важен её ответ и физически необходимо знать, что с ней происходит. Этот взгляд, ноющее от его грубых прикосновений тело, рука, сжимающая запястье, дыхание, опалющее лицо. Будучи настолько близко, он сводил её с ума.

— Ты, — яростно ответила она, сдаваясь. — Я не могу принять, что ты стал хорошим, потому что тогда у меня не останется поводов отвергать чувства.

Гермиона тяжело дышала, смотря в его ошарашенные глаза.

— Мне легче считать тебя злом, — последнее её слово прозвучало эхом в собственной голове.

Она боялась его ответа. Но вдруг ощутила, что мир вокруг начал исчезать. Малфой, тоже заметивший это, крепче прижал её к себе, и Гермиона опустила голову на его грудь, прикрыв веки. Реальность закружилась вокруг них, и в следующую минуту они почувствовали мороз, пробирающий кожу, и услышали гудок поезда.

Когда она открыла глаза и отпрянула от Малфоя, то спешно осмотрелась. Это был не то чтобы не Аврорат, даже не магическая Британия, да и навряд ли этот мир вообще обладал волшебством. Люди в нарядах времен двадцатых сновали из стороны в сторону, проводники кричали направления, а пассажиры уже заходили в поезда.

— Мистер и миссис Малфой, — голос заставил обоих оглянуться, около входа

в поезд стоял неизвестный мужчина, который улыбался им. — Экспресс «Стамбул — Кале» отбывает через несколько минут, ждём только вас...

Акт 2 «Поездка в Кале»

Люди быстрыми шагами передвигались по перрону, перегоняя и толкая друг друга. Каждый из них смотрел только вперёд, словно загипнотизированная кукла, не обращающая внимания на окружающих. Проводник, стоявший рядом с неизвестным мужчиной, который и окликнул мистера и миссис Малфой, наблюдал за Гермией. От этого она поежилась и поправила своё пальто.

Пальто?

Грейнджер опустила голову, замечая на себе длинное чёрное одеяние, такие же тёмные брюки и ботинки. Посмотрев на Малфоя, она поджала губы — он тоже был в пальто, а его платиновые, идеально уложенные волосы даже поблёскивали от света фонарей.

Подул ветер, и несколько снежинок упали на его плечи, мгновенно растаяв. Он, так же как и она, внимательно осматривался, пытаясь осознать происходящее. Гермия спешно оглянулась, признавая вокруг себя вокзал времен тридцатых годов, а рядом — злополучный Восточный экспресс «Стамбул-Кале». Около входа в вагон стоял полный мужчина, который давал наставления проводнику, а близ него, спиной к ней, был ещё один незнакомец в шляпе и с тростью...

— Мистер Малфой, — мужской голос доносился от входа в вагон. — Скорей же, а то не успеете на съезд.

Драко вновь посмотрел на Гермию, которая начинала понимать суть происходящего. Перед её глазами калейдоскопом крутился древний артефакт, вложенный в книгу, сюжет которой сейчас разворачивался перед ней.

Они внутри произведения!

Этого она отрицать не могла, но как отсюда выбраться — оставалось загадкой.

«Так он и сводил их с ума. Отправлял магов в неизвестные им книги, поэтому они не могли понять, что происходит, и постепенно лишались рассудка. Наш мир для них чужд, в особенности когда отличить сюжет от реальности невозможно».

От осознания, что дело раскрыто, Гермия коротко улыбнулась. Но понимание, что теперь она сама оказалась в ловушке, заставляло в считанные секунды генерировать план по освобождению.

«Маги провели много времени здесь, возможно, нужно дойти до конца книги? Сюжет закончится, и мы вернемся обратно».

На этой мысли она посмотрела на Малфоя и схватила его за руку, утягивая в сторону проводника. Тот им приветливо улыбнулся, а после покосился на рядом стоявшего пассажира, лица которого Гермия так и не успела увидеть.

— Мы вас заждались, — рассмеялся полный мужчина. — Я мсье Бук, директор.

Он протянул ладонь Малфой, улыбаясь, но Драко в ответ лишь смерил его скептическим взглядом, всё ещё косо смотря на Гермиону.

— Мистер Малфой сильно замёрз, мсье, — с улыбкой ответила она. — Он с радостью пожмёт вам руку в более тёплых обстоятельствах.

Мсье Бук прищурился, переводя взгляд с Драко на Гермиону, словно пытался рассмотреть в них нечто чужеродное. Но спустя несколько секунд кивнул и указал на проводника, который стоял с протянутой ладонью, ожидая билетов.

— Это Пьер Мишель, наш с вами верный спутник на пути в Кале, — пояснил Бук, а после указал на всё ещё неизвестного мужчину. — А это мой друг. Вы наверняка слышали о нём, самый лучший сыщик — Эркюль Пуаро.

И в тот же момент названный детектив оглянулся на них, представляя в образе не кого иного, как Гарри Поттера. Всё те же очки, приветливая улыбка, небольшая щетина и тёмные волосы. Слово именно Гарри стояло сейчас перед ними. Гермиона замерла на несколько мгновений, не веря своим глазам, но понимая всю изобретательность механизма.

Он не просто перемещал в книгу, он вплетал в неё реальность, создавая мир, который чужд и знаком одновременно.

Стоявший рядом Малфой, не посвящённый в её мысли, уже собирался высказаться «Поттеру», но Гермиона лишь сильнее сжала его руку. Драко коротко взглянул на неё, а она отрицательно покачала головой.

— Очень приятно, мсье Пуаро, — улыбнулась Гермиона. — Я рада, что мы едем в одном экспрессе с таким известным человеком.

— Случайности не случайны, миссис Малфой, — произнёс в ответ он. — Нам суждено было встретиться.

«Миссис Малфой» болезненно ударило по слуху.

Переведя взгляд на Пьера, Гермиона опустила руку в карман пальто, чувствуя там два билета на Восточный экспресс. Вытащив их, она посмотрела на имена, понимая, что западня в виде книги становится меньшим из зол.

«Драко Люциус Малфой. Купе третьего класса. Место 17».

«Гермиона Джин Малфой. Купе третьего класса. Место 18».

Теперь сомнений не было. Они женаты.

— Миссис Малфой, при всём уважении, — голос Бука заставил её посмотреть на него, — нам пора на посадку. Мы ведь нашли купе для мсье Пуаро?

Бук взглянул на Пьера, и тот кивнул. Гермиона нехотя протянула проводнику билеты, на что тот приветливо улыбнулся и сообщил, как пройти к их местам. Гермиона и Малфой поднялись на поезд...

Как только они перешагнули порог купе, Драко громко хлопнул дверью, закрыв её на засов. Обернувшись, он подтолкнул Гермиону в глубь помещения, в ответ она хмыкнула, но прошла вперёд, усаживаясь на одно из сидений. Грейнджер уставилась в выдуманную точку, словно переваривала жизненно необходимую информацию. Драко смерил её недовольным взглядом и приземлился на противоположное место, с вызовом смотря на Гермиону.

— Не хочешь объяснить, что здесь происходит? — требовательно спросил он.

Драко был зол. Ещё несколько минут назад он выпытал у Грейнджер верхушку айсберга её ненависти к нему. И именно в этот момент они оказались в неизвестном поезде, с Поттером под очень странным прикрытием и среди людей, которые играли пьесу времен молодости Дамблдора. А Грейнджер, как всегда, знала, что происходит, и молчала. Вновь пыталась игнорировать его любопытство, как тогда, рядом с Поттером, или когда утащила его к поезду, не объясняясь. И это раздражало ещё больше.

Она часто заставляла его нервничать: в Хогвартсе, во время войны. Грейнджер будто испытывала понятную лишь ей потребность в постоянной игре на его нервах. Это было всегда и везде. Учёба? Вечные перепалки за первенство и ненависть к тому, что те же зелья выходят у него лучше. Порой Драко казалось, что он кожей ощущал её ненавистные взгляды в библиотеке. Старостат? Он состоял в дружине у Амбридж и имел власть, о которой Грейнджер могла только мечтать. У неё были основания его ненавидеть не только поэтому, но и потому, что он постоянно указывал на её место, называл грязнокровкой. Драко понимал, почему она недолюбливала его тогда. Это раздражало, но он осознавал почему.

Но когда она вернулась в Аврорат, всё стало иначе. Грейнджер вошла так, будто бы отработала там не меньше его, словно знала внутреннюю кухню лучше всех. И с того самого дня, с уверенной походки, блеска в глазах и намерений раскрыть нераскрываемое она заставила его нервничать ещё сильнее. И если в школе у неё были основания, то сейчас он не мог их найти. А она, казалось, стала только заносчивее. Больше криков о правильности, поучений, использовавшихся вместо запятых, и постоянные попытки увидеть каждую его ошибку и не забыть указать на неё. И не только ему, но и Поттеру, и своим друзьям, что, на радость Драко, начинали переходить на его сторону.

Люди, у которых была посмертная причина его ненавидеть, нашли в нём союзника и если не друга, то хорошего знакомого. Они прошли путь от неприязни до приветливого общения. Узнав, что Грейнджер придёт в Аврорат, Драко надеялся, что с ней будет даже проще, но и близко нет. Когда её друзья стали к нему лояльнее, она ожесточилась, и причину этого он понять так и не смог...

Ирония заключалась в том, что именно её прихода он ждал сильнее всех. Естественно, не показывая, но принимая, что Грейнджер в напарниках с ним — это нечто особенное. Потому что она для него, несмотря ни на что, всегда была другой. Гермиона осмеливалась делать те вещи, на которые тот же Поттер бы не пошёл, она отстаивала то, во что верила, даже если оставалась одинока в собственных порывах. Грейнджер могла найти свет во тьме, как на суде, оправдывая его, но вместо этого она находила зло в каждом его добром шаге.

Мысль о её симпатии изначально стала для него лучшим исходом событий, он сам был вовсе не против пообщаться с ней за пределами Аврората. Ему хотелось увидеть ту Грейнджер, которую называют другом, почувствовать, каково это — когда она улыбалась ему или прикасалась без попытки сломать руку. Но он никогда не удаивался чести получить подобное, хотя с каждым разом желание было всё больше...

В ней было то, чем не обладали даже самые близкие его люди, — отсутствие страха. Она могла ненавидеть, презирать, кричать или поучать, но она не боялась, а в жизни Драко такие люди стали редкостью. После войны, когда все учения Лорда и опыт Пожирателя смерти Малфой продолжил использовать уже на благо Аврората, его начали бояться лишь больше.

Однажды Нарцисса призналась, что не знает, на что её сын способен, раз допрашиваемые им преступники скидывались в море с крыши Азкабана. После Блейз стал проводить с ним всё меньше и меньше времени, ссылаясь на исходящий от некогда друга холод. Последней ушла самая бесстрашная из его окружения — Пэнси, поклонница смелых предпочтений в отношениях, со слезами заявила, что не может быть с ним, потому что больше не доверяет...

Грейнджер ему тоже не верила, но он считал, что это из-за злости, не страха. И поэтому она была особенной. Уничтожить ненависть можно, а вот искоренить животный страх — нет. Драко хотел Гермиону себе именно потому, что она смотрела в его глаза и могла сказать что угодно, не страшась...

И вот когда она очутилась в его объятиях, наконец-то сбросившая доспехи неприязни, такая беззащитная, хрупкая, но в то же время смелая и язвительная, это всё оборвалось. В мгновение ока они оказались в неизвестности, которая была понятна ей, но не ему. И даже в этой ситуации, когда они в одной лодке, бок о бок, она сидела и молчала.

Уровень злости внутри него начинал подниматься выше с каждой минутой промозглой тишины.

— Я задал вопрос, Грейнджер, — требовательно произнёс он.

Она подняла на него взгляд, и в эту самую минуту Драко пожалел о приказном тоне. В глазах всегда знающей и понимающей Грейнджер играла истинная тревога, её алые губы были поджаты, а выражение лица пробуждало в нём потаённое желание обнять её и прижать к себе. Он успокаивал многих женщин, но помощь ей всегда становилась особенной, потому что Гермиона никогда не осмеливалась просить.

Драко пригнулся к ней и положил свою руку поверх её. Он надеялся, что после их разговора за прикосновением не последует членовредительства. Но Грейнджер в своей излюбленной манере отёрнула ладонь. Она сложила ногу на ногу и откинулась назад, внимательно смотря в его глаза.

— Я поняла, как Фишер сводил людей с ума, — произнесла она. — Пока ты не пришёл, — Грейнджер инстинктивно сжала пальцами подол пальто, — я изучала его артефакт и нашла там бумагу, обычную, магловскую.

Поезд тронулся, и Гермиона стиснула крепче сиденье, не сводя взгляда с

Малфоя.

— Когда ты пришёл, я положила его в книгу, которую читала, — продолжила она. — «Убийство в Восточном экспрессе», история происходит в 30-годах. Главный герой, сыщик Эркюль Пуаро, в течение двух дней расследует убийство, совершенное в экспрессе «Стамбул-Кале».

В голове Малфоя эхом раздавались названия, звучащие несколько минут назад на перроне.

«Экспресс «Стамбул — Кале» отбывает уже через несколько минут».

«Самый лучший сыщик — Эркюль Пуаро».

Осознание пришло к нему за секунду до того, как последнее ругательство прозвучало в его мыслях, а вывод сам подступил к горлу.

— Мы в магловской книге? — спросил он, смотря на неё.

Грейнджер в ответ кивнула и отвела взгляд к окну, будто бы происходящее было для неё нормальным. Поражённый её спокойствием, Малфой оскалился. Ощущение, что она знает намного больше, чем говорит, не отпускало его. Грейнджер никогда не рассказывала ему свои предположения, мысли, теории, всегда объясняла их Поттеру, а он после передавал Драко. Порой Малфоя казалось, что Гермиона верила, будто умрёт самой ужасной смертью, если лично обсудит с ним работу.

Это в ней его тоже откровенно раздражало. Складывалось впечатление, словно он прокажённый или убийца, что она так себя с ним вела. Поэтому Малфой, даже не являясь ни одним из перечисленных, иногда подумывал крепко сжать её шею руками. Быть может, тогда она поймёт, на что он способен, но, вопреки всем желанием, отторгает, потому что не хочет делать ей больно. Хотя Грейнджер всё время и ждала от него именно этого. Зачастую у него возникало ощущение, что она искренне расстраивалась, когда он не пытался убить её при любом удобном случае.

А иногда так хотелось.

И даже сейчас. Они заперты в книге, сюжет которой далёк от него так же, как звание послушного аврора. Им нужно действовать сообща, если они хотят выбраться. А что делала она? Разумеется, Грейнджер смотрела в окно, вероятно размышляя о всей плачевности собственной ситуации и строя план, как не спать этой ночью с ним на соседней кровати.

Он был очень зол.

— Как думаешь выбраться, а, Грейнджер? — Драко склонил голову набок.

Сердцевина победы — это умелая провокация. Если человек не хочет с тобой говорить, то поставь его в ту ситуацию, где ему придётся общаться. А Грейнджер всегда велась лишь на одну его уловку — сомнения в уровне её развития.

Гермиона медленно повернула голову в его сторону, словно специально

избегая прямого зрительного контакта.

— Не твоё дело, — огрызнулась она. — Выберусь я, выберешься и ты. Жди.

Грейнджер поднялась на ноги и стянула с себя пальто, вешая его. Драко стиснул зубы, подскочил и в один шаг преодолел разделяющее их расстояние. Гермиона прижалась спиной к стене, уперевшись ладонями ему в грудь, а Малфой навалился сверху, поставив руки по обе стороны от её головы.

— Ты не будешь так со мной разговаривать, — спокойно произнёс он, вопреки взгляду, в котором горела злость. — Раз мы уже решили, что все твои увёртки лишь из-за...

— Заткнись, — прошипела она, смотря в его глаза. — Ты заставил меня это сказать, ясно?

Он издевательски рассмеялся, поражаясь способности Грейнджер переворачивать любую ситуацию.

— Ты провокатор, Малфой, — добавила Гермиона, придвигаясь ближе к его лицу. — Заставляешь всех говорить то, что хочешь услышать. А не...

— Я довожу вас до точки кипения, — перебил он. — И в этом состоянии у людей испаряется возможность лгать даже самому себе.

— Я не вру себе.

И вновь он видел в её глазах потребность, как несколько минут назад в Аврорате. Взгляд был затуманен, она на такой желанной грани, где до признания всего шаг. Надави он на неё немного сильнее, и Грейнджер вновь в кондиции, когда сдаст ему себя и свои мотивы. Нужно лишь...

Стук в дверь заставил Драко отвернуться, а Гермиону громко выдохнуть. Малфой сделал шаг назад и открыл купе, видя перед собой улыбчивого проводника, выражение лица которого было словно пришито.

— Ваши паспорта, — произнёс Пьер и протянул документы.

Драко ухмыльнулся и взглянул на две кожаные обложки с золотыми буквами «М» посередине. Он аккуратно взял из рук Мишеля паспорта и убрал их во внутренний карман своего пальто. Проводник прикрыл глаза и коротко поклонился, а после посмотрел в коридор.

— Уже подают ужин, мистер Малфой. Присоединитесь к другим пассажирам? — уточнил Пьер.

Драко развернулся на Гермиону, которая, натянуто улыбаясь, отрицательно покачала головой. Драко кивнул проводнику на дверь, Мишель аккуратно опустил на неё руку, придерживая, пока Малфой снял своё пальто, переложил документы во внутренний карман пиджака и взглянул в зеркало, поправив причёску.

— Миссис Малфой нездоровится, — сказал Драко. — Я один посещу ужин.

Малфой услышал, как Гермиона громко прокашлялась, намекая, чтобы он не покидал купе, но Драко, раздражённый её поведением, лишь шагнул в коридор. Перед тем как закрыть дверь, он посмотрел прямо в её глаза, где горел огонь злости, как у него несколько минут назад, а после произнёс:

— Не скучай, милая. Я скоро вернусь, — ответил Малфой и с грохотом закрыл дверь.

Последнее, что он увидел в купе, — лицо Грейнджер, которая едва ли не кипела от гнева. Драко считал подобное отличной платой за её поведение и отношение к нему. Он будет работать с ней так же, как с любым другим преступником, ведь она бесчеловечно уничтожала его слишком долгое время, а наконец-то объяснившись, решила отказаться от своих слов. Грейнджер была для него преступницей. А их нужно довести до нужной кондиции, чтобы они начали играть в угоду достопочтенному Аврорату.

Пока Гермиона шла в сторону вагона-ресторана, трижды едва не упала. Возможно, дело было в поезде, несущемся по направлению в Кале, быть может, в неудобных туфлях, но вероятней всего — в Малфое. Его талант выводить людей из себя был неоспорим, ему понадобился всего лишь час, чтобы Гермиона перенасытилась его обществом и уже хотела выброситься в сугроб, только бы избавиться от Драко.

Из-за него сердце пылало в груди палитрой светлых и тёмных эмоций. Всегда именно они окрашивали её сознание, когда он находился рядом. Малфой был некой гранью, на которой Гермиона качалась в плюс и минус, постоянно стараясь приземлиться на отрицательной стороне. И подобное помогало до сегодняшнего дня. Минимальное общение, вечные попытки уличить его в предательстве, вера в его провал и критика каждого действия — вот на чём было сосредоточено её сознание весь год.

Но сегодняшний день тянул её на его светлую сторону. Она знала, что Малфой не так плох, как она его видит. Понимала: этот человек — профессионал своего дела, он добивался победы любыми путями, не брезгуя даже самыми отвратительными. Ему важен результат. Поэтому он действовал изобретательно. Но вместе с этим он способен прикрыть её спину. Ему всё равно, как плохо она к нему относилась, Малфой представлялась сотня шансов оставить её умирать, бросить, покинуть, но он не воспользовался ни одним. Драко не предавал, а умел работать в команде и быть тем, на кого можно опереться.

В нём было хорошее. Она знала это. Но всячески отказывалась признавать, ища всё новые и новые доводы в сторону его отрицательных качеств, ведь если он хорош ровно настолько же, насколько плох, то его успех в её глазах обнулился бы. Поэтому она искала в нём минусы, так проще его ненавидеть. Ведь именно ненависть удерживала её от такого опрометчивого шага — стать его другом, а возможно, даже больше.

Гермиона замерла, на её лице проступила тёплая улыбка, которую она уже не смогла сдержать.

В момент, когда она, переживая и осознавая весь крах их ситуации, сидела напротив него, он протянул к ней свою руку, едва касаясь. В этом не было эротического подтекста, издёвки или провокации, только желание поддержать. Именно тогда ей хотелось сесть рядом, подобрав ноги под себя, и оказаться в его объятиях. Чтобы он ей сказал, что всё в порядке, что они выберутся, справятся и ей не нужно ничего бояться.

Иногда Гермиона мечтала об этом от Малфоя. Она видела его силу, страсть и грубость, с которыми он мог допросить, обезвредить или задержать. Это тот, кто способен дать ей желанное успокоение, но тот, от кого получить его стало бы ошибкой. Ощущение возможного предательства затягивалось на её шею удавкой. Она не могла ему доверять, сознание так и кричало не делать этого, когда сердце и душа к нему тянулись.

Она почти сдалась ему сегодня. Дважды. В момент, когда они были в Аврорате и она ответила на его вопрос, которым сама задавалась не раз, и в то мгновение в купе, когда он вновь стоял непозволительно близко, вырывая у неё доверие.

— Миссис Малфой? — мужской голос заставил Гермиону оглянуться.

Бук улыбался и медленными шагами двигался в её сторону, напевая себе под нос странную песню. Как только он оказался рядом, взял Грейнджер за руку и пригнулся, касаясь губами тыльной стороны её ладони.

— Близость вашего супруга и страшный холод не позволили мне поприветствовать вас как истинную британскую леди, — сказал он. — Вы с ужина?

Гермиона виновато улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Мне нездоровилось, я отказалась, — выдохнула она. — Но мне стало лучше, я решила всё-таки осмотреться.

— Это верно, миссис Малфой, — произнёс он, кивая. — Позвольте, я вас провожу.

Грейнджер согласилась, и они направились в сторону вагона-ресторана. Как только оба перешагнули порог, в глаза Гермионы сразу же бросился Малфой, что, улыбаясь, общался с «Поттером».

Он даже не помнит Драко, а уже расположился.

После взгляд Гермионы скользнул по гостям, которые, как и описывалось в книге, были все на подбор: разные, несовместимые, но запертые в одном пространстве, движимые лишь желанием оказаться в другом месте. Мама говорила Гермионе, что это история о том, как несовместимые личности объединились ради общей цели. Но Грейнджер, видя палитру людей, не могла понять, кто именно из них затеял убийство и, что самое важное, кто жертва?

— Друг мой, — воскликнул Бук и быстрыми шагами направился к ближайшему столику.

Криком он привлёк внимание всех пассажиров, которые, словно движимые

эффектом домино, начали поворачивать головы в сторону Гермионы. Вопреки всем отличиям, каждый из них смотрел на неё с долей скептицизма, будто она не должна была здесь находиться. На мгновение Гермиона решила, что это книга пытается вытолкнуть её из содержания, но встал вопрос — что не так с Буком? Его приветливость сравнилась бы разве что с Дамблдором во время приёмной комиссии в Хогвартс.

Может быть, намёк?

В эту минуту Гермиона остановилась около столика мужчины, что также внимательно её рассматривал, но ни одной толики злости или негодования в его взгляде не было. Даже наоборот, всей кожей Гермиона ощущала, как он едва ли не поедает её глазами, словно раздевая в своей голове. Стало неудобно.

— Что же, такая милая дама и не может найти подходящее место? — он улыбнулся.

Возможно, ему казалось, что он выглядел весьма галантно или даже соблазнительно, но Гермиона испытала лишь отвращение, тошнотой подкатывающее к горлу. От этого человека веяло не то чтобы нечестным бизнесом, от него исходил самый настоящий аромат смерти. Грейнджер являлась опытным аврором, и если бы её чутьё позволяло лицезреть, будто через очки, каждое согрешение, то его руки виделись бы по локоть в крови.

— Милая дама сядет со своим мужем, — голос Малфоя раздался в нескольких сантиметрах от неё.

Она повернула голову к Драко, ощущая резкий прилив тепла, которое скоростным водоворотом закрутилось в её животе, заставляя улыбнуться. Малфой собственнически положил руку на её талию и пригнулся ближе.

— Тебе лучше, дорогая? — произнёс он и оставил на её губах едва уловимый поцелуй.

Гермиона почувствовала, как щёки залились румянцем, а конечности лишились возможности двигаться. Всего два его прикосновения, и она, онемевшая, стояла посреди сюжета магловского романа и не могла сделать и шагу, лишь вглядываться в глаза, которые смотрели на неё с нежностью.

Малфой, играющий хорошего супруга, был её гибелью. Любые доводы против него постепенно ускользали прочь, заглушая голос разума и оставляя лишь непреодолимое желание остаться с ним. Ему хотелось довериться, отдать себя и свою душу, быть может, она бы сделала это, если бы не «Гарри».

— Мистер Малфой, — произнёс он. — При всём уважении к вашим чувствам, быть может, продолжите за столом?

Драко ухмыльнулся — Гермиона была уверена, что из-за её реакции, — а после обернулся.

— Уже идём. Вам не терпится одержать поражение в очередном споре?

С этими словами он взял Гермиону за руку и потянул к столику. Как только они подошли к нему, Драко отодвинул соседний стул, приглашая её сесть.

Грейнджер, играя роль любящей жены, а возможно, позволяющая себе насладиться заботливым Малфоем, послушно опустила вниз, чувствуя, как Драко придвигает её ближе к столу и медленно касается хрупких плеч. Дыхание перехватило, и она на мгновение прикрыла глаза, ощущая, как он кладёт свою руку поверх её, присаживаясь рядом.

— Насколько очаровательная пара, — слышался женский голос сзади.

Гермиона уже не оглядывалась, она наблюдала за улыбающимся Буком, как вдруг пальцы «Поттера» скользнули к двум паспортам, что лежали во главе стола. Он раскрыл один из них, рассматривая документ, а после взглянул на Гермиону и Драко.

— Вы женаты уже семь лет, — с улыбкой заметил «Поттер». — Но до сих пор будто бы молодая пара на пороге чистой и безвозмездной любви.

— Везде ты ищешь подвох, Эркюль, — выдохнул Бук, закатил глаза и забрал из его рук документ. — Порадуйся за них. В наше время не встретишь женатую пару с неугасающей страстью, как у них.

— Я рад-рад, — произнёс «Поттер», а после прищурился, смотря на Гермиону. — Такие чувства и правда сейчас редко где увидишь, хотя...

Он перевел взгляд за её спину, искренне улыбаясь. Гермиона медленно повернула голову, замечая, куда он смотрел.

Чуть поодаль от них за столом сидела молодая пара, которая мирно разговаривала. Мужчина шептал на ухо женщине речи, обняв её за плечи, а она, прижавшись к нему, улыбалась и тихо смеялась.

— Любовь, насколько же она прекрасна, — произнёс Бук и взглянул на Драко. — Мистер Малфой, расскажите же, в чём секрет долговечного брака? Я со своими жёнами больше месяца не уживался.

— Не потому ли это, что каждой из них ты находил замену? — усмехнулся «Гарри». — Дамам не нравится, когда их место в мужском сердце занимает другая, — он перевел взгляд на Гермиону. — Я прав, миссис Малфой?

Грейнджер замерла, в упор смотря на него и не зная, что лучше ответить. Обычно у неё никогда не было сложностей сказать что-то Гарри, но это не он. Да, у него внешность её друга, но то, с каким лицом он наблюдал за ней, напоминало Малфоя, только никакой теплоты, силы или желания помочь. Провокация. Одна большая игра на её нервах.

Гермиона ощутила, что Драко крепче сжал её руку, пуская по коже приятную истому, которая жаркой негой разлилась по телу. Она взглянула на Малфоя, что смотрел на «Гарри» точно так же, как и он на неё.

— Ни одна женщина не займёт место миссис Малфой в моём сердце, мсье Пуаро, — произнёс Малфой и улыбнулся. — Будьте уверены в этом.

«Поттер» усмехнулся и откинулся на спинку кресла, кивая. Неизвестно, чьего шага он ждал, но именно этот случай, его взгляд и реплика окончательно убедили Гермиону — книга может свести с ума самого благоразумного. Она не

только вела тебя по сюжету, добавляла знакомые детали, но и искажала твою собственную реальность. У Пуаро было лицо Гарри Поттера, но в душе он оставался всё тем же сыщиком-бельгийцем, не боящимся манипулировать другими.

— Мистер Рэтчетт, — раздался мужской голос.

Гермиона подняла взгляд, неизвестный обращался к тому самому господину, который приглашал её за свой столик не так давно.

— Что тебе? — тяжело выдохнул Рэтчетт, вставая из-за стола.

Ему протянули стопку писем, на что он схватил собеседника за руку, крепко её сжимая, а после прошипел прямо в лицо неизвестную Гермионе фразу. Оба удалились уже через несколько минут, а следом за ними и другие пассажиры поезда постепенно начали покидать вагон-ресторан, пока не остались только гости их стола. Всё в том же составе.

— Пьер, — крикнул Бук, подзывая проводника.

Тот оказался около них уже через минуту, услужливо улыбаясь.

— Ты постелил мне и мсье Пуаро? — требовательно спросил директор, на что получил кивок. — А мистеру и миссис Малфой?

Мишель отрицательно покачал головой, на что Бук лишь тяжело выдохнул, словно говорил с малым ребёнком, который не понимал очевидных вещей.

— Постели им. А ещё разложи кровать, да так, чтобы они оба были в комфорте, — бросил Бук и махнул рукой, отправляя проводника к вагону.

— Для той пары вы не дали такого распоряжения, — с усмешкой заметил Пуаро. — Велика разница?

— Да, мой друг, — ответил Бук. — То были граф и графиня Андрени. Эти дипломаты всегда доставляют слишком много проблем, да и не знают они о возможностях Восточного экспресса столько, сколько знаю я.

Гермиона всё ещё не понимала, о чём они говорили и что такого было в правильно постеленной кровати.

— А для наших друзей я только рад услужить, — продолжил Бук. — Разве я могу разделить ложе такой прекрасной пары?

И осознание произносимого медленно подступило к Гермионе, когда она услышала о семейном ложе. В её голову не приходило, насколько книга может столкнуть двух героев и как общая постель способна помочь им в расследовании или созерцании сюжета. В один момент ей показалось, что история изысканно над ней издевалась, но в минуту, когда лицо Малфоя украсила улыбка, а Бук незаметно ему подмигнул, Гермиона поняла, что дело было вовсе не в книге...

— Нет, — произнесла Грейнджер и скрестила руки на груди.

Малфой, стоявший перед ней, тяжело выдохнул, а после бросил взгляд на разложенную постель. Одну-единственную, где могли поместиться двое и которая занимала практически всё купе, оставляя лишь небольшой отрезок пространства около двери.

— Будешь спать стоя? — ухмыльнулся он, вопросительно выгнув бровь.

— Надеюсь, что ты решишь побыть джентльменом, — прищурившись, сказала она. — И освободишь даме место.

Драко тихо рассмеялся, а после поставил небольшой чемодан на стул, раскрывая его. Он начал перебирать одну вещь за другой в поисках подходящей одежды.

— Я могу побыть джентльменом и не прикасаться к очень капризной даме, — ответил Драко и, заметив её краснеющие щёки, добавил: — Если она сама не попросит.

— Малфой!

В этот момент она уже топнула ногой, а после увидела, как он вытаскивает из чемодана шёлковую ночную сорочку, скептически её осматривая.

— Твоё, — сказал он и протянул ей ткань.

Гермиона недовольно зарычала, но всё-таки взяла одежду из его рук, прижимая к груди. Драко лишь усмехнулся, предвкушая остаток вечера, когда история дойдёт до переодеваний, а что ещё важнее — до общей кровати. В глубине души он надеялся, что она сдастся и спокойно ляжет спать, но понимал, что для этого Грейнджер придётся прожить все стадии принятия. Она не подпускала его даже к своему столу первые полгода, а здесь одна постель. *Эта книга для неё станет очень волнующей.*

Драко запустил руку в чемодан и достал оттуда тёмные пижамные штаны, явно не подходящие миниатюрной Гермионе. Он кинул их на кровать и сбросил пиджак, вешая тот на крючок, его пальцы коснулись галстука, снимая, а после начали расстёгивать пуговицы рубашки.

— Предупредил бы, — выдохнула Грейнджер и отвернулась, всё ещё прижимая к себе сорочку.

Малфой усмехнулся, косо поглядывая на отражение в зеркале, где было видно краснеющее лицо Гермионы. Она, словно непорочный ангел, стояла, нервно закусив губу, и теребила подол блузки, стараясь не смотреть в отражение. Её щёки покрывала багровая пелена, глаза поблёскивали в неярком свете лампы, а немного растрёпанные волосы придавали ощущение реальности.

Той самой Гермионы, которую он так хотел увидеть. Не обременённую ненавистью к нему, не ищущую подвоха в каждом его действии, а настоящую Грейнджер, что любила читать, разгадывать загадки, обожала свою работу и стояла крестом на могиле несправедливости. Именно такую Гермиону он видел сейчас в отражении зеркала, в которое она осторожно посмотрела.

— Мне нечего стесняться, — с улыбкой произнёс он, замечая, как она тут же отвела взгляд, словно обожглась.

Драко сбросил рубашку и расстегнул ремень с характерным звуком. Грейнджер вытянула голову, боковым зрением смотря в окно, словно ища любой повод не слышать и не воспринимать то, что он делает.

— Я мужчина в самом расцвете сил, — он снял брюки и надел пижамные штаны. — Быть обнажённым перед девушкой для меня нормально.

Но она так и не повернулась, всё ещё молча стояла и смотрела в пустоту. Мысль о легилименции проникла в его голову всего лишь на мгновение, но он не рискнул. Драко мог сделать это безболезненно, Грейнджер бы даже не заметила вторжения, но нет. Сохранность личных границ — несмотря на все события, её и его желания — было для него важнее.

— Можешь поворачиваться, — сказал он.

Гермиона посмотрела на него, тяжело вздыхая. Драко усмехнулся мысли, что она явно ждала, что он будет одет полностью, однако верха на нём так и не оказалось.

— А теперь ты отвернись, — потребовала она, смотря в его глаза.

Малфой кивнул и отвёл взгляд. У него не было такого же зеркала, как с её стороны, чтобы наблюдать. Поэтому ненадолго Драко прикрыл веки, слушая, как ткань блузки скользила по её коже, тяжелое дыхание Гермионы, которая пыталась совладать с молнией на брюках и дёргала ей вниз всё сильнее и сильнее. Спустя несколько секунд та всё-таки поддалась, и раздался звук бегунка, съезжающей вниз. Пара шагов, а потом брошь ударилась о полку над зеркалом.

Казалось, что он видел перед собой, как Грейнджер освобождалась от одежды, а сейчас аккуратно облачалась в шёлковую ткань. От картины, играющей перед глазами, Драко вобрал в лёгкие побольше воздуха и ощутил жар, окутывающий тело.

Через несколько минут он услышал скрип кровати, а следом:

— Можно, — сказала она.

Драко повернул на неё, видя, как Грейнджер, прикрывшись одеялом, легла на бок лицом к стене, дальше его взгляд скользнул к вешалкам, где были её вещи.

Аккуратно сложены и разглажены, словно она сдавала экзамен по уборке.

Малфой усмехнулся и затушил лампу, после прошёл к кровати и лёг, придвигаясь ближе к окну и укладываясь на подушку. Он перетянул часть одеяла на себя, но, в отличие от Гермионы, не стал отворачиваться. Драко лежал, убрал руку под подушку, и смотрел на неё со спины.

Волосы Грейнджер разметались по кровати яркими волнами,

контрастирующими с белоснежными простынями. Тело её легко вздымалось, когда она вдыхала, иногда совсем немного натягивая шёлковую ткань бежевой сорочки, идеально ей подходившей. На оголённых плечах он заметил несколько родинок, россыпью разбросанных по смуглой коже, и пару бесцветных шрамов, оставшихся с прошлого.

Она была настолько обычной и умиротворённой, что огонёк тепла зародился в его сердце. Тот же, который возник в ресторане, когда он поцеловал её, или когда держал за руку, вводил за стол, прикасался. Всё это дарило ему невероятное чувство правильности, словно он делал то, что было важно именно здесь и сейчас. Будто бы пока Грейнджер рядом, под его защитой самое дорогое, что существовало...

Впервые напарник в виде неё приносил ему больше удовольствия, чем дискомфорта.

С рамы подул поток зимнего ветра. Несмотря на то, что в вагоне хорошо топили, около окна, где они и спали, было прохладно. Драко заметил, как Грейнджер поёжилась и задрожала, притягивая одеяло к груди.

Мысль, пришедшая в голову, казалась абсурдной с точки зрения логики, но в остальном отдавала всё тем же вкусом правильности, как и происходящее.

Драко придвинулся ближе к ней и положил свою ладонь на её живот, опоясывая девичью талию. Грудью он прижался к спине Гермионы, не оставляя между ними холодного воздуха, и опустил свою голову на её подушку, чуть выше макушки.

Вопреки всем предположениям, она лишь вздрогнула от его прикосновений, но не оттолкнула. Улыбка украсила его лицо, и он с чувством правильности происходящего и уверенностью, что она в тепле и безопасности рядом с ним, заснул...

Акт 3 «Потребность обладать»

Тёплое солнце светило сквозь окно, согревая лицо Гермионы лучами, сильные руки обнимали её, прижимая ближе к горячему телу, а окружающая тишина казалась олицетворением сущего умиротворения и спокойствия. Сегодняшнее утро она могла бы назвать прекрасным, в нём всё было идеально...

Ровно до того момента, как Пьер не начал переживать за пассажиров и не разбудил их.

— Мистер и миссис Малфой, скоро заканчивается обед. С вами всё в порядке? — беспокоился проводник, настойчиво стуча по двери купе.

— Всё в порядке, Пьер, — раздался сонный голос Драко рядом с ней. — Мы отдыхаем, не беспокой нас.

— Понял вас, мистер Малфой, — ответил Мишель, и слышались его удаляющиеся шаги.

Гермиона в полудреме ощутила, как мужские руки скользнули по её плечам и остановились на затылке, притягивая ещё ближе к себе. Носом она почувствовала, что касается другого человека, а после рвано вдохнула, слыша аромат сандала. На несколько мгновений он её успокоил, но уже через пару минут ей в голову пришёл единственный человек, который пах именно так.

— Малфой! — воскликнула она и открыла глаза.

Гермиона чуть ли не отпрыгнула от него, осознавая, что всё это время лежала и обнимала Драко, который в ответ прижимал её к себе. Она смотрела прямо на него, натягивая одеяло практически до носа. Он же, словно ничего не произошло, лишь потёр веки и взглянул на неё, тяжело выдыхая.

— Ты... — сквозь зубы прошипела она.

— Согрел тебя холодной ночью, Грейнджер, — ласково произнёс Малфой и встал с кровати, подходя к раковине. — Не переживай, я не позволял себе лишнего.

Он ухмыльнулся, а после включил воду и начал умываться. Настолько обыденно и спокойно, словно всё так, как и должно быть. От этой мысли Гермиона выругалась и завернулась в одеяло, вспоминая события вчерашнего вечера. После того, как закрыла глаза, Грейнджер хорошо помнила холод, который через несколько минут сменился заботливыми прикосновениями и необходимым теплом. Именно они позволили ей заснуть.

Но вчера она посчитала это частью сновидения. И зря. Никакого сна — реальность, в которой она провела ночь в объятиях Драко Малфоя. Хотя ещё пару дней назад не желала даже говорить с ним, а теперь доверила в его руки себя и собственную жизнь. Подобное поражало её, заставляя краснеть ещё больше, чем когда она увидела его обнажённым в отражении.

Малфой и правда был хорош собой, как он верно подметил *«ничего*

стесняться», но для Гермiony это не являлось аргументом «за», лишь огромным «против». Потому что каждая его привлекательная черта, включая заботу и притягательную внешность, всё больше толкала её к грани положительного, не позволяя его ненавидеть. Разум звучал тише, опасения уходили на второй план, а настоящее становилось настолько желанным и реальным, что отказаться от него было невозможно.

— Пойду пообщаюсь с нашими литературными друзьями, — сказал Малфой, надевая пиджак.

Он ещё раз взглянул в зеркало, придирчиво осматривая себя, а следом повернул голову к Гермione.

— И ты собирайся, Грейнджер, — он сделал шаг к двери купе. — Не хочу сказать, что тебе нездоровится, а потом спастись от общества предполагаемого убийцы.

Гермиона замерла, не понимая, как он мог догадаться о её предположениях...

— Грейнджер, — выдохнул он. — Ты не единственный аврор в этом переплете. Если ты не отвечаешь на мои вопросы, я сам найду на них ответы.

Он подмигнул ей и вышел из купе, прикрыв за собой дверь.

За весь оставшийся день Драко пересекался с Грейнджер всего лишь пару раз, получая от неё только косые взгляды и тяжёлые вздохи. Он сразу понял, что она пыталась игнорировать его существование, поэтому не говорила с ним, не появлялась на обеде или ужине, а проводила всё время с некой Мэри Дебенхэм — молодой гувернанткой, увлекающейся книгами и географией. Это всё, что узнал о ней Малфой, слушая разговоры в вагоне-ресторане.

С такой информации он даже посмеялся. С кем ещё Грейнджер могла подружиться? Разумеется! С тем, кто обучал других. Тем более у неё всегда была слабость к волевым учителям с гонором воспитателя колонии для девочек. Взять ту же Макгонагалл — Гермiona была её любимицей. Иногда ему даже казалось, что все её хорошие оценки по трансфигурации лишь из-за душевной любви Минервы, а не из-за знаний. Может, поэтому она так всегда задирала нос?

Впрочем, это не важно. Теперь он знал — Грейнджер бывала другой. В момент, когда она оказалась в его объятиях, Малфой не сразу заснул, ещё пару часов он просто наслаждался ею.

У Драко были девушки, не две и не пять. Он спал с однокурсницами, одноклассниками, порой с теми, кто младше, у него даже была пара слишком взрослых для него дам. Но ни одна ночь с ними не сравнилась с объятиями своенравной Грейнджер, которая во сне была подобна самому чистому ангелу.

Её расслабленное лицо в свете луны будто бы светилось, губы подрагивали, едва улыбаясь, когда он поглаживал её по плечам, а волосы, словно тёмное море, водопадами обрамляли девичий образ. Гермiona лежала на его груди,

положив свою ладонь рядом, и мирно дышала...

Гермиона была очаровательна ночью, но гораздо прекрасней явилась утром. В тот самый момент, когда, покрасневшая, смотрела на него невинными глазами. Она верила, что он ничего не делал, но настолько стеснялась себя, что её кожа окрашивалась в оттенок крови.

Малфой был уверен — Грейнджер особенная, и происшествие с книгой лишь доказало это. Поэтому теперь Драко хотел увидеть больше Гермионы. Ему была нужна такая же умиротворённая, спокойная и близкая Грейнджер, какой она явилась вечером, ночью и утром. *Его чувства переродились из желания понять в потребность обладать.*

Грейнджер, способная быть дьяволицей днём и порождением света ночью, напоминала ему необходимую грань. Ту, которая могла стать для него всем. Настолько близкая и недостижимая одновременно, что впитывалась в кровь, прожигая вены.

— Мистер Малфой, — женский голос заставил его оглянуться.

Перед ним стояла улыбчивая пожилая дама, морщины которой, вероятно, появились от её чрезмерной разговорчивости. Миссис Хаббард запомнилась Драко сразу же отнюдь не потому, что была выдающейся внешности или проявляла к нему с Гермионой пылкую любовь. Вовсе нет. Именно её слова он слышал, когда приходил в вагон-ресторан, уходил из него, двигался по поезду, разговаривал с кем-то и, кажется, даже когда спал.

Если бы человек был способен заполнить собой пространство — миссис Хаббард не хватило бы и мэнора. А её рассказы о дочери не уместились бы и в Хогвартсе. Драко ни разу не говорил с ней, но уже знал буквально всё о том, откуда она едет, куда, какие у неё планы, странные внуки и прекрасная дочь. *Миссис Хаббард в его жизни за последние сутки стало слишком много.*

— Добрый вечер, — бросил он и отвернулся, делая вид, что изучает горизонт за окном.

Однако миссис Хаббард это, казалось бы, только распаляло. За несколько секунд она обошла стол и села рядом с ним, положив свою сумочку на колени.

— Где же ваша чудесная супруга? — спросила она, оглядываясь по сторонам. — Опять нездоровится?

Ответит «да» — вероятней всего, ему расскажут о дочери, которой тоже было плохо одним зимним вечером. Скажет «нет» — услышит историю о том, какие же дамы нынче молчаливые и что её дочь совершенно не такая. Правильного варианта в разговоре с миссис Хаббард не существовало, потому что она обладала необычайно раздражающим талантом поддержать любую беседу и более того — свести её к себе.

— Она у меня очень любознательная, — улыбнулся Драко. — Встретила мисс Дебенхэм и как узнала, что та гувернантка, увлекла в чудесные разговоры о науках.

— А вы, я вижу, не разделяете подобных увлечений? — лукаво улыбаясь,

спросила миссис Хаббард. — Согласна с вами. Нынче женщины от рук совсем отбились. Знают только науки да платья...

И после беседа, как ни странно, свелась к её дочери. Драко участливо кивал, делая вид, что ему интересно слушать, а сам косо посматривал на Рэтчэтта, который шептался со своим секретарём — Гектором Маккуином. Судя по лицу последнего, разговор был явно не из приятных, а это означало одно — Гектор вполне мог оказаться жертвой эмоционального хозяина, который в пылу гнева убил его.

Хорошая теория. Даже слишком удобная.

— Передайте миссис Малфой.

Драко ощутил, как в его ладонь вложили небольшую склянку.

«*Это должно сработать, ночью вы обязаны спать*», — раздался в его голове голос миссис Хаббард.

Он взглянул на неё, видя перед собой лишь невинную пожилую женщину, каковой она искренне хотела ему казаться. Но что было в склянке? Этот вопрос разрушал все доводы против её причастности к будущему преступлению.

Драко кивнул и потянул руку на себя, рассматривая пузырёк с несколькими белыми таблетками. Краем глаза он заметил, с какой надеждой миссис Хаббард наблюдает за ним. Не будь он в книге, решил бы, что она протянула ему яд.

— Благодарю, — Малфой приветливо улыбнулся и убрал пузырёк во внутренний карман пиджака. — Ваша дочь рекомендует?

После этой фразы женщина на мгновение опешила, Драко заметил, как улыбочное лицо успело похолодеть, а через секунду засветилось всё той же яркой улыбкой. *Смена настроения совершенно не внушала ему доверия.*

— Всего лишь успокоительное, — махнула рукой миссис Хаббард и встала из-за стола, хватая сумку. — Из натуральных веществ, потому хорошее. Вы тоже попейте, в такое время живём...

Она покосилась на сидящего поодаль Рэтчэтта, а после подошла ближе к Драко, пригнувшись.

— Видите, с кем приходится жить в одном экспрессе, мистер Малфой, — прошептала она. — Того и смотри, прирежет ночью. И проводника вызвать не успеешь! Будьте осторожны и берегите супругу.

Миссис Хаббард выпрямилась, натянула улыбку и двинулась в сторону выхода. Там на мгновение она пересеклась с уходящим Маккуином, они задержали друг на друге взгляд. Всего на несколько секунд. Это бы ушло от Рэтчэтта и других сидящих пассажиров, но Драко, как аврор и бывший Пожиратель смерти, умел подмечать такие детали. Слишком часто именно они спасали его от неминуемой гибели.

От увиденного он начал сомневаться в уже слаженной теории, но теперь у него появился лучший инструмент из тех, который он мог захватить из

магического мира. Лишив палочки, книга оставила ему хороший подарок. И Драко собирался воспользоваться им.

Незамедлительно он бросил взгляд на Рэтчетта, перед которым уже сидел Пуаро. Со своего места Малфой не слышал деталей разговора, однако по их лицам понимал, что первый пытается уговорить на что-то второго.

«Убить? Тебя? Из всех здесь присутствующих на убийцу похож лишь ты. Впрочем, Малфоя я бы тоже не исключал», — сознание Пуаро открывалось перед Драко словно уже закрытое дело, такое же понятное, но всё равно не теряющее интриги.

Но в следующее мгновение Эркюль схватил со стола свою шляпу и вышел из вагона-ресторана, оставляя озлобленного Рэтчетта в гордом одиночестве. Тот же поднялся, ещё раз осмотрелся вокруг и на несколько минут остановил взгляд на Малфое.

«Жена у него ничего. Найти бы и можно немного поиграться», — пронеслось в голове Рэтчетта, и он довольно ухмыльнулся, двинувшись к выходу из вагона-ресторана.

Злость вспылала в Драко за считанные секунды, если бы не события книги и свидетель в виде Пьера, то Рэтчетт сейчас уже был бы со сломанной рукой — настолько Драко желал заставить его забыть о подобных намерениях.

Те мысли, которые были у него о Грейнджер, не позволял себе даже Малфой. Хотя именно он спал с ней в одной постели и знал её много лет. Поэтому, по мнению Драко, единственный, кто мог позволить думать о ней так, это он. Никто другой и уж тем более не подозреваемый убийца...

— Мистер Малфой, — прозвучал рядом голос Пьера.

— Да? — устало спросил Драко, смотря на проводника.

Тот на мгновение замялся, но тут же натянул на лицо профессиональную улыбку и продолжил:

— Миссис Малфой распорядилась постелить вам, — произнёс он. — Вы можете после ужина сразу же отправиться в купе отдохнуть.

Голос Пьера звучал так, будто это была не информация или просьба, а веское требование, которое необходимо исполнить в кратчайшие сроки.

Миссис Хаббард и странные таблетки для крепкого сна, Рэтчетт, считающий, что его убьют, проводник, настоятельно рекомендующий идти в купе и не высовываться. Всё это напоминало Драко плохо спланированный план преступления, которое, судя по всему, должно было произойти очень скоро.

Малфой ухмыльнулся, а после отрицательно покачал головой.

— Я бы съел ещё того прекрасного пирога, Пьер, — с улыбкой сказал Драко. — Передашь?

Мишель смотрел на него несколько секунд, его взгляд, словно снитч,

двигался из стороны в сторону, будто бы искал себе место. Если бы Малфой задал ему компрометирующий вопрос, все ответы уже бы были у него в руках — настолько проводник волновался и, видимо, уже жалел, что подошёл к Драко. Спустя пару минут Пьер, осознавая, как затянулась пауза, кивнул и развернулся к кухне, быстро удаляясь.

— Ещё пирога для мистера Малфоя, — заикаясь, произнёс он.

Драко вытянул руки вдоль спинки кресла и ухмыльнулся, смотря на отражение проводника в зеркале. *От него здесь явно что-то пытаются скрыть.*

Поезд нёсся по рельсам настолько быстро, что Гермиона не успевала даже понять, где именно они проезжали. Впрочем, едва ли Агата Кристи прописывала для читателя картину за окном экспресса, вероятней всего, если бы Гермиона начала всматриваться, то увидела бы только снег, осыпающийся на землю. Он был здесь единственным понятным пейзажем, потому что уничтожал всю видимость, не позволяя распознать за окном даже дерево. Раньше бы Гермиона забеспокоилась о машинисте, что вёл поезд в столь ужасную погоду, но того не существовало. *Она была в книге, где каждая пылинка являлась не больше, чем вымыслом.*

Это доказывали даже её беседы с названной гувернанткой, что не отличалась изысканностью и умом. Из всех разговоров с ней Гермиона выяснила одно: особенных познаний или любви к наукам у Мэри не было. А вот безразличный холод, постоянные попытки накормить или напоить гостью, а также слишком много мыслей о правосудии были, словно она являлась служителем закона, а не гувернанткой. Даже Грейнджер, будучи доблестным аврором, не думала так много о судах, присяжных и наказаниях.

Это подводило Гермиону к мысли о самосуде, который вполне мог стать причиной убийства в злосчастном поезде. Ведь Мэри практически не пересекалась с пассажирами, за исключением собственной соседки и полковника Арбэтнота. Это подталкивало её к теории, будто бы она скрывалась от уже знакомых ей лиц. Может быть, Дебенхэм будет причастна к случившемуся? А возможно, уже состоит в сговоре?

От подобных домыслов Гермиона нехотя посмотрела на дверь купе и лампу, которая тусклым светом освещала пространство. Малфой ушёл на ужин достаточно давно и уже должен был вернуться, но он, будто специально, не приходил. Гермиона и сама не понимала, почему её так беспокоило, где именно он находился...

В груди неприятно закололо от предположений, что его могли убить, сбросить за поезд или, того хуже, завлечь в свои соблазнительные сети выдуманные дамы этого романа. От последней мысли Гермиона тряхнула головой, убеждая себя, что он вместе с ней мечтает скорее выбраться отсюда и навряд ли стал бы заниматься подобным.

Но такие аргументы её не успокаивали. Сама теория, что он с такой же теплотой и нежностью может ночами обнимать другую, заставила её сердце биться чаще, а кожу гореть в жажде его прикосновений. Гермиона хотела,

чтобы он вновь до неё дотронулся. Так же, как ночью, дабы после она могла сказать себе, что это не считается, ведь она спала и не сумела его прогнать.

Ирония. Несмотря на чувства, Грейнджер проще обвинить Малфоя в домогательстве, чем признать, что она ненавидит его лишь потому, что любит.

С самого попадания в книгу...

Нет. Ей стоило быть честной хотя бы с собой.

С момента в Аврорате его словно подменили. Он больше не повышал голос, не кричал, не издевался, не требовал. Будто бы Малфой исчез, а заменил его Драко, что проявлял знаки внимания, нежно прикасался, смотрел полными нежности глазами и был готов защитить в любую минуту. Всё его поведение заставляло доверять, подталкивало признаться в чувствах...

Где-то на задворках сознания слышались мысли. Они твердили, *что так нельзя, не положено, запрещено. После будет больно.* Гермиона понимала, что, доверившись ему сейчас, лишит себя права на ошибку. И если в один день сила Малфоя станет жестокостью, она умрёт. Не потому, что он убьёт её, а потому, что сильнее разочарования постичь она уже не сможет...

Гермиона перевернулась на спину и медленно провела рукой по шее, подрагивая. Холодные пальцы, касаясь кожи, заставляли её покрываться мурашками, а разум вновь воспроизводить в голове образ Малфоя, касающегося её губами. Так откровенно и убаюкивающе, что она была готова вечность провести с ним, только бы он находился рядом и больше никогда так надолго не уходил...

Дверь купе распахнулась, в ту же минуту Гермиона приподнялась на кровати и посмотрела на вход, замечая Малфоя. *В свете лампы его лукавая улыбка отдавала теплом.*

— Если бы я знал, что в постели меня ждёт такая дама, — сладко произнёс он и прикрыл дверь, защёлкнув её, — шёл бы гораздо быстрее.

Гермиона в ответ закатила глаза и натянула одеяло выше. Драко, видимо заметив это, усмехнулся и снял пиджак, вешая его на крючок.

— Я просто не могу уснуть, — бросила она. — А вот где пропадал ты, вопрос и правда отличный. Так что?

— Грейнджер, в какой момент от *«Я не буду лежать с тобой в одной кровати»*, — дразнил её Драко, — мы перешли к *«Где ты был, дорогой»*?

— Я не говорила *«дорогой»*.

— Значит, думала, — пожал плечами он и снял с себя рубашку, замечая, что Грейнджер уже не отворачивается. — А ещё перестала смущаться моего прекрасного тела.

Гермиона усмехнулась и, закатив глаза, покачала головой. Пререкаться с ним она больше не стала, поэтому легла на бок и косо смотрела на то, как он медленно переодевается в ночную одежду. Драко же, заметив это, лишь шире

улыбнулся и, не торопясь, натянул штаны, будто бы издеваясь над наблюдающей Гермионой.

Драко повесил рубашку рядом с пиджаком, случайно задев его, отчего из него выпал неизвестный предмет. Гермиона широко раскрыла глаза и приподнялась на кровати, вытягивая шею. Малфой схватил с пола небольшую склянку и убрал её обратно в пиджак.

— Что это? — строго спросила Грейнджер.

— Игрушки, — немного грубее ответил Малфой, а после развернулся и забрался на постель.

Он лёг лицом к ней и потянул на себя одеяло, заставляя её упасть рядом. Но Гермиона, уже не заботясь о том, чтобы её что-то прикрывало, села на кровати, внимательно смотря на него.

Малфой занимался делом? Без неё? И ничего не сказал? Он что-то знал? Да, определенно. И молчал. Возможно, он уже всё раскрыл и просто ждал удобного повода уйти? А что, если ему нравилось здесь и он решил не уходить из книги, а спрятать жертву?

Предположения и вопросы медленно начали топить Гермиону в океане собственных страхов и опасений. Видение в Малфое предателя прочнее обосновывалось в сознании, а вся история о его руках, чувствах и близости сошла на нет. Теория, что он подстроил абсолютно всё здесь происходящее, пришла к Гермионе через несколько секунд зрительного контакта с его серыми холодными глазами.

Малфой не добрый. Не хороший. Чтобы она себе ни нафантазировала, сидя здесь. Это бывший Пожиратель смерти, убийца, аврор, не брезгующий никакими методами для достижения своей цели. А если его целью сейчас оказалась она? Драко месяц знал о том, что Гарри будет переводиться. Вдруг он решил убрать её? Избавиться, оставив здесь, чтобы она больше не путалась у него под ногами.

У Малфоя были причины.

— Грейнджер, не смотри на меня как на чудовище, — сквозь зубы произнёс Малфой, замечая её озлобленный взгляд на грани страха. — Это всего лишь...

Гермиона подскочила с постели, даже не дослушав его. Рывком она стянула пиджак с крючка и запустила руку в карман, вытащив оттуда пузырёк. Ей хватило минуты, чтобы рассмотреть лекарство. Джин Грейнджер пила подобные таблетки, и Гермиона знала, какой силы это снотворное...

Драко спустился с кровати, замерев. Гермиона медленно подняла на него взгляд, замечая нотки злости в глазах. Она шагнула назад, упираясь спиной в дверь, в кулаке сжала пузырёк и завела вторую руку за спину, ища задвижку.

— Что ты делаешь? — злился он, в упор смотря на неё.

Гермиона видела, как гнев разрастался в нём с ужасной скоростью, будто бы он прямо перед ней становился чудовищем. Колени начали подрагивать от осознания, что все домыслы могли оказаться самой настоящей правдой. Не

надуманными доводами для того, чтобы опустить Малфоя в своих глазах, а реальностью, где он ждал момента, чтобы избавиться от надоедливой напарницы...

В горле пересохло, тело бросило в жар, Гермиона дрожащими руками отодвинула задвижку и попыталась выйти, но дерево не поддавалось. В мгновение она развернулась и со всей силы толкнула дверь, но та была заперта с другой стороны. Страх и паника начинали брать верх над ней. Грейнджер посмотрела на Малфоя.

— Ты не посмеешь, — она покачала головой.

Он начинал злиться всё больше, венки на его шее пульсировали, пальцы сжимались в кулаки. Всего два шага, и он свернет ей шею, даже не дрогнув. Тот, кто прошлой ночью согревал её от мороза, мог убить за пару секунд. Она знала это и должна была понимать, когда ложилась с ним в постель.

Всё больше мыслей витали в голове Гермионы. Одна страшная теория затмевала другую, пророча в Малфое убийцу и чудовище, с которым ещё сегодня утром она чувствовала себя в безопасности и комфорте.

— Не посмею что? — прорычал он, делая шаг вперёд. — Ты объяснишь, что с тобой происходит?

— Зачем тебе эти таблетки, Малфой? — строго произнесла она. — Почему дверь закрылась, когда ты зашёл? Где ты был? Какую игру ведешь?

Он свёл брови к переносице и вновь попытался сделать шаг ближе, но Гермиона отшагнула от него, упираясь в раковину, близ которой лежала запечатанная бритва. Её рука сама скользнула к оружию, пока Грейнджер держала зрительный контакт с предполагаемым убийцей.

Именно в этот момент, стоя перед ним полуобнажённая, беззащитная и слабая, Гермиона ощутила подавляющий животный страх, током расходящийся по венам. Он сжигал её изнутри.

Весь прошедший год Грейнджер обвиняла Драко в ужасах, предполагая предательство, но в глубине души не верила ни одному доводу, наивно цепляясь за выдуманную теорию о тёмных мотивах. Но вот она стояла перед ним, дрожала во тьме вагона и не знала, куда деться. Гермиона понимала, что если он убийца, то она — его жертва. *Малфой всё-таки оказался злом...*

На мгновение она увидела в его глазах боль — настолько сильную и понятную, что уже не сомневалась в своей смерти...

— Грейнджер, ты боишься меня? — вскинул брови он, глядя на неё.

Гермиона смотрела на него пару секунд, не рискуя лгать, но всё больше страшась ответить неправду...

— Да, — медленно произнесла она.

Драко замер. В отражении его зрачков она видела оттенок страдания...

Она стояла перед ним словно забитый зверь, которого он собирался уничтожить. **Никогда.** Драко *никогда* не видел её такой. Будто бы привычную, смелую, своенравную и боевую Грейнджер подменили. И далеко не на ту милую и добродушную, которая боялась перед ним переодеться. Гермиона, стоявшая напротив него, едва не плакала, смотря на него глазами, полными страха...

«Я боюсь тебя, сынок. Люблю, но боюсь», — звучал голос матери, когда он впервые пытал в Малфой-мэноре.

«Ты мой друг, Малфой, но иногда мне страшно рядом с тобой», — говорил Забини перед уходом.

«Я тебя боюсь, Драко», — твердила Пэнси, покидая поместье.

Его семья. Друзья. Девушка. Они все страшились его. Словно он был не человеком, а чудовищем. Неукротимым зверем, которого нужно держать в узде, чтобы он не перегрыз кому-нибудь глотку. Большинство видели в нём именно это. Да, Драко хотел показывать силу, ум, вызывать уважение. И у него получалось с другими, но в наказание за подобное в дорогих ему людях он начал пробуждать страх.

Грейнджер стала спасением. Она никогда не боялась его. Ни в школе, ни в Аврорате, он был уверен, что, даже если он будет стоять над ней с палочкой и намерением убить, она всё равно продолжит перечить ему. Поэтому в ней было счастье, нечто настолько понятное и необычное, что увлекало, развязывало руки, делая счастливым. Именно это сейчас погибло на его глазах.

— Думаешь, я тебя убью? — ядовито спросил он. — Вот так, да?

Он шагнул вперёд, а через мгновение ощутил лёгкое касание бритвы — Грейнджер трясущимися руками направляла на него оружие. Драко опустил взгляд, замечая слёзы, что катились по щекам Гермионы...

— Так и думал, — он сделал шаг назад. — А ведь казалось, что ты другая. Это была ложь, да, Грейнджер?

Он вопросительно выгнул бровь, смотря на Гермиону, что только сильнее вжалась в стену.

— Про чувства. Их нет, так ведь? — он сжал зубы. — Конечно, как можно испытывать что-то к Малфою? Он ведь беспринципная сволочь.

Она молчала, лишь смотрела на него заплаканными глазами.

— Я слышал, что ты пришла в Аврорат, потому что тебя не приняли у Монтгомери, — он рассмеялся, указывая на неё рукой. — Посчитали, что ты пережила слишком много для их беззаботного коллектива.

Он заметил, как Грейнджер сглотнула ком, подступивший к горлу. В глубине души её хотелось пожалеть, прижать к себе и спасти. Но как сберечь, когда ты и есть причина страха?

— Я тоже пришёл в Аврорат поэтому, — пояснил Драко и вновь подошёл к ней. — И в меня наконец поверили. Приняли, несмотря на прошлое. Ирония в том, что это оказался Поттер, тот, от кого я ждал меньше всего сострадания...

Слёзы застыли на её щеках, в заплаканных глазах мелькнуло понимание. Жалость отступала, заменяя собой боль...

— А ты, — Драко указал пальцем прямо на неё, — вечный борец за чувства людей, только и делала, что искала во мне тьму, — воскликнул Малфой, разводя руками. — Тебе будто было важно доказать это! Показать, что я недостоин, Грейнджер! Ты поступила со мной так же, как поступили с тобой.

Его голос был злым. Ни нежности, ни сострадания. Только гнев, боль и обида. Драко выплёскивал на неё всё накопившее за прошедший год и был уверен, что заслуженно. Потому что сейчас она стояла перед ним, наставляя лезвие, и считала, будто он убьёт её.

— Но я не дам этого тебе, — покачал головой он. — Я не зло, Грейнджер, а ВОТ ТЫ...

— Малфой, я...

— Ты права. Тебе не место в Аврорате рядом со мной, — строго сказал Драко. — На недоверии и страхе, Грейнджер, не строятся ни одни отношения.

Он сделал несколько шагов назад, а после двинулся к кровати и лёг на свою половину. Драко косо взглянул на неё, всё ещё смотрящую на него из темноты.

— Убийство произойдёт этой ночью. Пуаро быстро распутает дело, с его-то талантом. Перетерпи меня, и больше мы не увидимся, — завершил он и опустил на подушку.

И лёжа на холодных простынях в замёрзшем Восточном экспрессе, Драко слышал, как Грейнджер медленно двигалась на другую сторону купе, ложась. Слуха касались её всхлипы, но он старался не думать, из-за чего они. Сам в глубине души боялся, что дело было не в его речи или осознании ошибок, а от мысли, что она лежит здесь с ним. Из-за этого ему бы стало ещё больнее. Осознание, что ты останешься один, потому что тебя все боялись, было тяжелее любого бремени и задания.

Промозглое одиночество в холодном и огромном особняке, где никогда не прозвучат женский смех, детский голос или звуки праздника. Потому что Драко останется один, раз и навсегда перечеркнув для себя все пути к счастью. Это не его маршрут, а с поезда его выселят, потому что нет билета. Таким не выдают.

Когда Гермiona проснулась, сразу же перевернулась на другой бок, видя по ту сторону лишь пустую смятую постель. Она поджала губы и села, смотря в одну точку и прокручивая в голове вчерашний разговор. Грейнджер хорошо запомнила страх, осознала каждую теорию и опасение за собственную жизнь.

Но ничего тяжелее слов Малфоя для неё не было. Он будто бы стоял перед ней с совершенно обнажённой душой, озвучивал то, чего она сама боялась и что переживала. Она действительно, как большинство, видела в нём лишь чудовище, игнорируя любой положительный факт, который мог проскользнуть в их общении. Гермиона не дала ему шанса на другой исход, не позволила поступить иначе и стать к ней ближе.

Из-за воспоминаний вновь зародились тёплые чувства от его прикосновений, заботы, оттого, что он был с ней рядом, а следом боль, что она сама всё и перечеркнула. Особенно сильно это осознавалось ночью, когда она ощущала ледяной воздух, одиночество и вину размером с Восточный экспресс. Она обвинила его в том, что он чудовище, хотя сама поступила ничуть не лучше...

Встав с кровати, Гермиона начала стремительно собираться, намереваясь найти Малфоя в ресторане, где он не сможет от неё отдалиться. Она не была уверена, что после вчерашнего у него останется желание быть рядом с ней, но попытаться стоило. Хотя бы ради того, чтобы взглянуть на него иначе, с тем же чувством, но без подавляющего страха.

Практически перед выходом она замерла и посмотрела на пол. *Дискомфорт от нахождения в поезде исчез.* За окном Гермиона заметила растущие деревья, не меняющиеся от движения. Грейнджер поняла: экспресс стоит на рельсах.

Что случилось?

На мгновение в её разум проникли мысли о причинах остановки, но она лишь мотнула головой, напоминая себе, что это уже созданный сюжет. Тяжело выдохнув, Гермиона открыла дверь купе и застыла, видя перед собой взволнованную миссис Хаббард.

— Милая, ты в порядке, — едва не рыдая, сказала она и накинута на Гермиону с объятиями.

Опешившая Грейнджер лишь развела руками, в ответ обнимая миссис Хаббард. Ту трясло, заплетающимся языком она причитала за смерть и проклинала злополучный экспресс...

— Что случилось? — спросила Гермиона, отстраняясь.

— Вы не знаете? — воскликнула миссис Хаббард. — Я думала, мистер Малфой всё вам рассказал! Он сейчас на допросе.

Гермиона широко раскрыла глаза.

— Какой допрос? За что? Он ничего не сделал, — начала возмущаться Грейнджер.

— Опрашивают всех пассажиров, миссис Малфой, — произнесла Хаббард. — Этот мужчина. Что приставал к нам всем. Он убит.

Акт 4 «Игра в покер»

Драко и сам любил допросы. Всегда находил в такой незамысловатой беседе с одним победителем особую атмосферу. Словно вы играете в карты на свою жизнь. Положение колоды тебе неизвестно, ты редко имеешь представление, кто твой соперник, а главная задача — отличить блеф от реальности. Да, определённо, это самый дорогой покер, в котором он с заметной периодичностью сражался.

Но если в подобных играх люди прятали карты в рукава, пытались углядеть чужие и прочесть настроение партнёра, то в допросной было иначе. Манипуляции, психологическое давление и легилименция. Сложно не использовать врождённый дар, когда карта сама идёт в руки, а Драко зачастую лишь искал повод принять тёмную сторону аврорской работы.

За всю карьеру Малфой ударил преступников пять раз, прижал к стене, смотря глазами с отголоском смерти, пятнадцать, практически вытащил из человека душу — больше сотни. В отличие от Поттера, что шёл напором, или Гермионы, желающей выступить в роли всемогущей матери Терезы, которая жаждет помочь, Драко убеждал признаться.

«Если ты не будешь делать, как я хочу, я поставлю тебя в ситуацию, где придётся это делать», — девиз, который сопровождал его в каждом деле.

Убеди, заставь, спровоцируй, разорви душу и сознание на клочья, но вынуди его поведать правду и признаться в содеянном. Улики, свидетели, отсутствие алиби — это всё, конечно, здорово, но нет лучшего доказательства, чем чистосердечное, сказанное в слезах сожаления с трясущимися ногами. Драко любил раскаяние, особенно в тех, кто ломался медленнее всех.

Возможно, Грейнджер права. Он и правда чудовище, если считал подобное правильным. А Малфой не считал, он был уверен. Сесть в Азкабан — нет, это не правосудие, а всего лишь мера наказания, из которой заключённый рано или поздно выберется. Правосудие — это раскаяние, когда волшебник, что пытал женщин, загоняет кинжал себе в глотку внутри одной из камер Азкабана. Вот что такое правосудие в понимании Драко Малфоя.

И он с самой первой встречи учёл, что Пуаро, будь он в облике Гарри Поттера или без него, такой же аврор. Без палочки, врождённых способностей к чтению сознания, но аврор, способный вывести людей на чистую воду лишь собственным *обаянием*, навыком дедукции, манипуляциями, умелой игрой на слабостях и психологии других людей.

После тяжёлой ночи и мыслей о Гермионе ему это было нужно. Сделать шаг назад и сыграть в карты на свою жизнь. Да, в выдуманном мире, с ненастоящим сыщиком и отрисованной писателем картиной убийства. Но всё равно в покер, его любимую игру...

— Вас зовут Драко Люциус Малфой, вам двадцать пять лет. Всё верно? — с ухмылкой спросил Пуаро, исподлобья смотря на Драко.

— Разумеется, — кивнул в ответ Малфой, откидываясь на спинку кресла.

Эркюль положил перед Драко лист бумаги, а после протянул ручку, удобнее присаживаясь напротив.

— Напишите свой точный адрес, — попросил Пуаро.

Малфой аккуратно взял чужеродный предмет, сильно сжимая его пальцами, и занес над бумагой. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы коснуться им листа, пытаясь вывести буквы. Пока он писал, то чувствовал, как внимательно Пуаро наблюдал за его действиями, словно считывая каждую букву, выведенную неправильно.

Когда Драко закончил, то отодвинул лист и вновь взглянул на Эркюля. Тот взял записку и пробежался глазами по тексту, кивая.

— Родовое поместье, я полагаю, — произнёс Пуаро, откладывая бумагу. — Ваша семья известна?

— В определённых кругах, — сказал Драко.

— Понимаю, — протянул Эркюль и нагнулся ближе к столу. — Перейдём к делу. Что вы делали прошлой ночью?

— Спал, — равнодушно ответил Малфой.

— Возможно, вы слышали что-то?

— Нет.

— Видели?

— Отнюдь.

Они смотрели друг на друга в упор, словно волшебники на дуэли, ждущие, кто же из них ударит первым. Два профессиональных провокатора, играющие на психологии своих жертв. Люди, для которых давно стёрты границы между беспринципностью и человечностью. Им не важны чувства окружающих, как бы они ни доказывали обратное, результат — вот что имело значение. Ничего не характеризовало тебя лучше раскрытых дел, а они оба любили быть лучшими.

— По словам Пьера, — продолжил Эркюль, натянуто улыбаясь, — вы засиделись в вагоне-ресторане до позднего вечера. У вас с миссис Малфой случился скандал?

Драко ощутил, как сердце забилось чаще. Но не подал виду, сохраняя каменное выражение лица и абсолютное хладнокровие по отношению к вопросу.

— Мне понравился пирог, — пожал плечами Драко. — Не мог оторваться.

— Поэтому вы не общались с супругой целый день? — Пуаро придвинулся ближе, буквально вдавливаясь в стол, но, заметив взгляд Малфоя, криво улыбнулся. — Обычное наблюдение. Ваша любовь так прекрасна, не хотел бы, чтобы эта поездка стала её последним свидетелем.

— У нас с миссис Малфой всё в абсолютном порядке, мсье, — ухмыльнулся

Малфой. — Не тревожьтесь понапрасну.

Они шли по тонкому лезвию навстречу друг другу, пытаясь заставить противника рухнуть. Один неверный шаг, неграмотный способ задеть врага — ты упал вниз, а Драко ещё никогда себе этого не позволял.

Эркюль провел по своему подбородку пальцами, всматриваясь в холодные глаза собеседника. Малфой понимал: он словно ходил со свечой у стены, желая найти дыру, а Драко старался закрыть её с другой стороны. Подобное было самой настоящей игрой, возможно, не сегодня, но здесь будет проигравший.

— Опустим формальности, мистер Малфой, — произнёс Пуаро. — Я знаю, что вы не причастны к убийству.

— Вы правы, — подтвердил Драко.

— Но мне любопытно, кого подозреваете вы? — Эркюль прищурился.

Драко не знал, действительно ли Пуаро ждёт от него имя или это очередная уловка, но ответ на вопрос у Малфоя был. И такой, который можно принять за умело созданную шутку, правду или же искусную ложь, породившую не одну сотню беспечных наказаний.

— Всех.

Ответ понятный, чёткий, резкий. Ни грамма сомнений, а точное осознание произошедшего. Подобное от Малфоя лишь больше поражало сыщика, сидевшего перед ним.

— Впрямь? — Эркюль вопросительно выгнул бровь. — Даже ваша супруга причастна?

— Отнюдь, — ответил Драко. — Как вы уже сказали, мы не имеем отношения к зверскому убийству.

— Так уверены, что оно зверское? — уточнил Пуаро.

— Пассажиры уверены, — развёл руками Драко. — Только глухой сейчас не слышал о двенадцати ножевых и некой женщине в красном халате...

— А у...

— Бежевый, — ответил на будущий вопрос Драко. — У моей супруги халат бежевого цвета, и я обязательно передам, насколько вы переживаете за неё.

Эркюль поджал губы, вытянув их в тонкую линию.

Литературный герой не был готов к словам Малфоя. Ни к одному из них. И не потому, что слаб, а потому, что Драко не являлся выдуманным персонажем с написанными талантами. В этом и заключалась его победа. Малфой проживал каждое своё дело, имел оттренированные навыки и был способен не только манипулировать людьми, но и умело избегать попыток управления им самим.

Поэтому Драко с удовольствием наблюдал, как происходящее раздражало

Пуаро, сценарий которого стремительно шёл ко дну, не подходя под классический допрос.

Малфоя веселило, как изначальный план разваливался в глазах Эркюля. Он бы наблюдал за этим ещё долго. Но Пуаро, являясь не только хорошим сыщиком, но и первоклассным циником, коему чужды эмоции и сострадание, оставался всё таким же. С лёгкой ухмылкой на губах, морем предположений и пониманием, как именно он раскроет столь занимательное дело. Но без участия Малфоя.

Пуаро так же откинулся на спинку стула и устремил взгляд на собеседника. Совершенно обычный, не изучающий или пугающий, настолько безучастный и равнодушный, что даже Драко на несколько мгновений решил, что ему показалось.

— Знаете, Малфой, мы с вами похожи, — вдруг произнёс Эркюль. — Два отменных циничных сыщика, которых невозможно подкупить ни эмоциями, ни жалостью, даже сострадание нам чуждо.

Драко не был удивлён. И самый молодой детектив узнает другого — не потому, что тот будет проверять отпечатки пальцев или же вести допрос, а по поведению, манере общения и жуткому спокойствию.

Сыщики, как врачи, либо циничны, либо страдали от собственной профессии. Быть готовым к смерти на своих руках так же страшно, как быть причастным к казни невиновного. Совесть грызёт тебя одинаково, поэтому безразличие спасает. Пропуская через себя всю человеческую боль невозможно остаться страдающим. Это умрёт в тебе, постепенно начнёт гаснуть, а в один момент отключится.

И свет погаснет — теперь уже навсегда.

— Но миссис Малфой другая, не так ли? — Пуаро склонил голову набок. — Таких девушек мало, они особенные. Способные принять нас несмотря ни на что и любить вопреки всему.

— Паршивая любовь, мсье? — равнодушно спросил Драко, для которого диалог становился скучнее с каждой минутой.

— Скорее трагичная, Малфой, — ответил Эркюль. — Но вам же это не интересно?

— Вы правы, — сказал Драко, смотря в глаза Пуаро. — И в том, что я отменный сыщик, и в моей бесконечной любви к жене, и в том, что вы мне безразличны.

Минутное молчание, Пуаро расплылся в ухмылке и протянул Драко созданный книгой паспорт.

— Благодарю за откровение, — ответил он. — Миссис Малфой, вы можете входить...

И в это мгновение в голове Малфоя нечто оборвалось. Он быстро оглянулся, да так, чтобы его шокированное лицо увидела лишь она, медленными шагами входящая в вагон-ресторан, где проводили допрос.

«Сколько она стояла? Что слышала? Заметил ли её Пуаро?» — вопросы водопадом сыпались на голову Малфоя, а Грейнджер, стоящая перед ним с полными сожаления глазами, лишь внимательно смотрела на него в ответ.

От осознания, что Гермиона, не привыкшая быть на преступной стороне допросов в стиле Малфоя, сейчас окажется в кресле подозреваемого, совершенно незащищенная перед Пуаро, Драко хотелось её забрать. Ему было всё равно, что она ему сказала, как себя вела. Это касалось только их, личное дело, в которое он не позволит шагнуть даже самому близкому человеку, а уж тем более доморощенному сыщику.

Драко не отдавал её на плаху в их мире и не собирался делать этого в выдуманном. Сейчас Гермиона нуждалась в нём, и Малфой должен быть рядом, несмотря ни на что. Так он считал.

— Мы будем вместе, — строго произнёс Драко, разворачиваясь к Пуаро.

Тот добродушно усмехнулся, отрицательно качая головой.

— К моему великому сожалению, — сказал Эркюль, — но допрос ведётся между двумя. Вы лишний здесь, мистер Малфой.

Драко едва ли не кипел от злости, когда вставал с кресла. Поднявшись, он уже собирался схватить Пуаро за пиджак и потянуть на себя, но рука Гермионы мягко коснулась его плеча, заставив сбавить пыл. словно успокаивающим бальзам в одно мгновение заструился по телу.

Малфой оглянулся на неё.

— Всё будет в порядке, Драко, — произнесла Гермиона.

Его имя на её губах было песней, настолько желанной и чувственной, что он просто обязан слушать её вечность, никогда не отпуская. И он это исполнит, позднее, когда они выберутся из книги, а она, возможно, прекратит его бояться.

— Я буду в порядке...

«Но миссис Малфой другая, не так ли?»

«Способные принять нас несмотря ни на что и любить вопреки всему».

«И в моей бесконечной любви к жене».

«Мы будем вместе».

Все сказанные здесь слова эхом звучали в её голове, когда Драко нехотя покидал вагон-ресторан, бросая косой взгляд на сыщика. В глазах Малфоя, несмотря на боль, что она ему причинила, Гермиона заметила беспокойство. Нет. Больше. В них виделся животный страх за неё. И от понимания этого в мыслях Грейнджер всё быстрее стали проплывать картины, где Драко защищал

её, помогал и обманом не пускал на самые опасные задания, оставляя в тылу. **Защищённую.**

Малфой заботился о ней. Всё время, пока она так старательно пыталась изничтожить его, Драко всеми силами ограждал её от угрозы. И сейчас, сидя перед Пуаро, таким же чудовищем допросного процесса, как и Малфой, Гермиона понимала это. Быть может, её страх являлся просто ложью? Беспочвенные опасения, что заставили её сделать ему настолько больно, что Малфой даже не разбудил её перед уходом...

А ведь пока Гермиона, сжавшись калачиком, лежала в кровати, держа лезвие под подушкой, в глубине души мечтала ошибиться. Надеялась, что он повернётся, обнимет, прижмёт к себе и объяснит каждое своё действие. Гермиона ждала первого шага от изничтоженного её же словами Малфоя, боль которого стала понятна лишь сейчас...

Страх.

Вот что он в ней нашёл. Гермиона всем видом показывала, что не боится, готова бороться против него и доказывала это каждый день.

Это его и заворожило — Малфой увидел в Грейнджер не страх, а такого же сильного человека, полюбил в ней то же, что и она в нём.

Разница в том, что Гермиона боялась ошибиться в нём, а Малфой беспокоился, что она не примет его тьму. Они не были правы. Она знала, что Драко не ранит, а он понимал, что Грейнджер будет с ним. Но, вопреки этому, оба уверяли себя в реальности собственных страхов. Вот в чём заключалась боль, которую они в себе несли в попытке спастись и обезопаситься.

Ирония, что желание отказаться от страданий опустило их на дно бездны с отравляющим ядом. Они сами явились своими палачами...

— Вас зовут Гермиона Джин Малфой, вам двадцать шесть лет. Всё верно? — голос Пуаро был спокоен и умиротворен.

— Разумеется, — кивнула она.

Эркюль протянул ей бумагу и ручку, прося указать адрес. Гермиона взглянула на лист, задумываясь ровно на мгновение о том, что написать. Воспоминания о злосчастном поместье на секунду просочились в сознание, а после излились на бумагу, оставшись там несколькими выведенными буквами.

— В определённых кругах, — начал Пуаро, забирая лист, — ваша семья так же известна, как Малфои?

— Едва ли, — пожала плечами Гермиона.

— Вероятно, было сложно ужиться с теми, кто отстроил для себя целое поместье? — он улыбнулся, усаживаясь удобнее.

Гермиона положила руки перед собой, сжимая пальцами собственную ладонь. Перед глазами поплыли воспоминания о допросах Малфоя. Прошло две минуты, а она уже чувствовала себе в Аврорате и явно не на правильной

стороне.

— Мы справились, — кивнула Гермиона и поджала губы. — Вероятно, вы хотите поговорить о прошедшей ночи?

Пуаро в ответ ухмыльнулся и отрицательно покачал головой.

— Я знаю, что вы с мистером Малфоем крепко спали и не имеете понятия, что произошло, — пожал плечами он. — У меня к вам несколько иные вопросы.

Эркюль придвинулся ближе и на манер изворотливого кота взглянул ей прямо в глаза. Она была готова поклясться, что они демонически блеснули в блеклом свете вагона.

— Ваш муж способен на убийство? — тихо спросил он. — Не задумывайтесь, Гермиона, вы знаете ответ на мой вопрос.

Она не колебалась, Пуаро был прав, ей не нужно время.

— Да, — спокойно сказала она, видя довольную улыбку Эркюля.

Ему это нравилось.

— Вы боитесь его? — он склонил голову набок. — Понимаете, что можете стать его жертвой? Не сегодня так завтра.

— Драко не тронет меня, — она в упор посмотрела на него, пытаясь совладать с собственным опасением.

Эркюль же, будто чувствуя его, довольно улыбался результату своей провокации. Она не помнила, чтобы в начале книги Пуаро был таким. Возможно ли, что история издевается над ними? А быть может, это сама натура сыщика? Внутренняя, не подбитая под допросы, созданная автором. Ведь никто не знал, как бы он вёл себя с такими людьми, как она и Драко.

Холод пробежал по спине, и Гермиона сжала руки ещё крепче, пытаясь успокоить внутреннее давление.

— Вы слышали, о чём мы говорили, — добавил Пуаро. — Быть может, мы с вашим ненаглядным и похожи, но между нами...

— Есть существенная разница, — продолжила она, привлекая его внимание. — Поверьте, я уже заметила.

— Разве? Буду рад послушать.

Ему не нужен допрос, Пуаро уже его закончил. Миссис Хаббард сказала, что всех опросили ещё утром, а их с Драко вызвали позже...

Гермиона понимала: Пуаро либо уже знал ответ, либо был к нему близок, а сейчас просто ставил завершающие галочки в своём списке дел. И если Малфой был ему не по зубам, сломать его железную броню оказалось не под силу, то Гермиона виделась Пуаро слабее. Из неё можно вытащить нечто интересное, совершенно другое, не относящееся к делу, но способное потешить больное эго.

Но Пуаро явно недооценивал, кого мог выбрать Малфой...

— Вас некому понять, — пожалала плечами Гермиона. — Трагичная любовь, ведь так?

На мгновение он опешил, не подозревая, что она осмелится завести с ним подобный разговор.

— Здесь я задаю вопросы, — натянув улыбку, заметил Пуаро.

— Так задавайте их по делу, а не ради забавы, — строго произнесла Гермиона.

— Вам не нравятся мои методы? — ухмыльнулся он.— Понимаю, вам, как человеку рациональному, сложно познать психологические приёмы в расследовании. Но поверьте, они эффективны...

Гермиона громко выдохнула и опустила голову, тихо смеясь, чем вызвала удивление Пуаро.

— Почему же на мистере Малфое вы их не использовали? — она вопросительно выгнула бровь.

Ответа не последовало, он лишь внимательно смотрел на неё, буквально несколько секунд, а после кивнул на дверь из вагона-ресторана.

Попытка позабавиться не увенчалась особым успехом.

Гермиона, заметив уже поникшего детектива, встала и направилась к выходу, однако за шаг до проёма она оглянулась на Пуаро...

— Однажды и вас поймут, мсье, — украдкой произнесла она. Эркюль посмотрел на неё взглядом, полным скорби. — Нужно время. А это самый бесценный ресурс...

Дверь за Гермионой закрылась.

После того, как она быстрыми шагами покинула допрос, Драко больше не видел Гермиону. Её не было ни в их купе, ни в ресторане, ни в коридорах, ни у одного из пассажиров. Они все и понятия не имели, где она. Это для Малфоя оказалось удивительным. Грейнджер, местонахождение которой никогда не было для него загадкой, неожиданно исчезла. И именно в тот момент, когда он так хотел скорее её увидеть и убедиться, что всё в порядке.

Судьба явно над ним издевалась.

— Мистер Малфой, — тяжело дыша, произнёс Пьер уже вечером, ловя Драко в коридоре. — Миссис Малфой в порядке, она прогуливается здесь рядом, с ней всё хорошо.

Драко открыл дверь купе и стянул с вешалки чёрное пальто, надевая его.

— Где она сейчас? — спросил Драко у проводника.

Тот лишь кивнул в окно, за которым стояла Грейнджер. Она не смотрела на них, лишь на горы, которые величественно возрастали над ней на сотни метров вверх. Драко улыбнулся, непривычно мягко и тепло, подобное в нём вызывала лишь она.

Малфой обошёл Пьера, на что Мишель окликнул его, заставляя оглянуться.

— Мсье Пуаро собирает всех в вагоне-ресторане...

— Обойдусь без его феноменальных речей сегодня, — махнул рукой Драко и поспешил на улицу.

Когда он вышел, подул сильный ветер, а несколько снежинок попали прямо ему в лицо. Грейнджер, стоявшая чуть поодаль, развернулась спиной к потоку воздуха, сильнее укутываясь в пальто. Малфой покачал головой и быстрыми шагами поспешил к ней. За считанные секунды Драко обошёл её и встал ровно за спиной, закрывая от зимнего холода...

Гермиона, что прикрывала себя от снега, сразу подняла глаза на него. Драко не знал, насколько осуждающим был его взгляд, но то, с каким волнением она смотрела на него в ответ, способно растопить даже самое ледяное сердце. Вина, запечатанная в карих омотах, вновь алые щёки, волосы, покрытые снегом, и тёмное пальто. А рядом он. Такой холодный, бледный, обдуваемый ветром и одетый во всё чёрное.

Оба стояли и смотрели друг на друга, испытывая желание и потребность сказать нечто важное, но понятия не имели что.

Чувства? Страхи? Опасения? Что сегодня должно стать причиной их ссоры или примирения? Чего они хотели? Кем были и что значили? Обычно книги давали ответы на такие вопросы, но сейчас история несла только больше непонимания.

Драко не знал, сколько дней произведения равны реальности, но ощущал, будто проживает эту жизнь рядом с ней уже не первый год. Слишком много событий для третьего дня в поезде «Стамбул-Кале»...

— Где ты была? — спросил он.

Гермиона опустила глаза, переминаясь с ноги на ногу, а после вновь взглянула на него...

— Мне стало интересно, есть ли здесь что-то дальше поезда, — сказала Гермиона.

— Ищешь, куда сбежать? — ядовито спросил он.

— Хочу правильно заполнить отчёт, — медленно ответила она, вызывая на его лице лёгкую улыбку. — За тем холмом нет ничего, — она кивнула на заснеженный пригорок. — Белый лист...

— Значит, и идти нам дальше поезда некуда, — заключил он и бросил взгляд на экспресс. — Придётся вернуться и ждать, пока он раскроет дело...

Вдруг послышался свист, словно нечто едет по рельсам, ветер резко стих, а снег прекратил идти. Гермиона с Драко переглянулись и посмотрели в сторону, откуда шли звуки: небольшая вагонетка с несколькими рабочими подъезжала к ним. В эту же минуту из поезда вышел Бук, пожимая руку Пуаро с благодарностью, что тот раскрыл дело.

Улыбка украсила лица Драко и Гермионы, которые уже хотели попасть домой. Но вдруг Пуаро посмотрел на них и злобно ухмыльнулся.

Мгновение, и Драко ощутил, как нечто обволакивает его тело. Аналогичный эффект был, когда они попали в книгу. Малфой резко схватил Гермиону за плечо, рывком притянул к себе, заставляя уткнуться в собственную грудь, и обнял, прижимая. Оба прикрыли веки. Мир, казалось бы, посыпался вокруг, словно разлетаясь на осколки. Они слышали звуки разбитого сюжета и стихающие голоса Бука с Пуаро.

Но уже в следующую минуту, открыв глаза, они осознали, что стояли посреди вагона поезда, уже внутри...

— Ваше купе, мистер и миссис Малфой, — произнёс с улыбкой Пьер, указывая им на дверь. — Через три дня мы прибудем в Кале...

Гермиона и Драко переглянулись, осознавая, что оказались в начале дороги. Первый день, все живы, а Рэтчетт прогулочным шагом шёл мимо них.

История повторяется.

Акт 5 «Моя женщина»

Когда Гермиона вошла в купе, то сразу опустилась на ещё сложенное сиденье, закрывая лицо руками. В голове витали тысячи мыслей и теорий происходящего, собираясь в единое «отсюда не выбраться». Ещё пару дней назад Грейнджер искренне полагала, что им стоит дожить до конца книги, пронести через себя её события и стать негласными свидетелями расследования, но это оказалось ложью. Артефакт либо сломан, либо она так и не поняла принцип его работы. И сегодня первый раз, когда она сомневалась в собственных способностях.

Перспектива остаться на страницах детективного романа не была пределом мечтаний, как и осознание, что они могут больше никогда не увидеть близких. Что их ждёт? Повторение одной и той же истории в десятый, сотый, тысячный раз? Игра в супругов, манипуляции Пуаро, смерть Рэтчетта и несносный допрос? Это не то будущее, которое она пророчила себе даже в самых страшных кошмарах.

Малфой прошёл мимо неё и опустил плечи. Широко расставив ноги, с толикой беспокойства в глазах и абсолютно непроницаемым выражением лица он сел напротив. Всё почти как в первый день, разница лишь в том, что в прошлый раз у неё была теория происходящего, а сейчас она не рискнула бы предположить, что именно их ждёт в ближайшую вечность.

— Грейнджер, возьми себя в руки, — требовательный голос Малфоя заставил её поднять голову.

Она взглянула в его глаза, тепло из которых в мгновение испарилось, сменяясь зимним холодом и отторжением ко всему человеческому.

— Мы не выбрались, Малфой, — напомнила она. — Книга перешла на одну из первых страниц, будто бы тех трёх дней не существовало.

— Возможно, потому что мы не играли по её правилам? — он вопросительно выгнул бровь.

Гермиона непонимающе уставилась на него, замечая, как на лице Малфоя проскальзывает довольная ухмылка. Он встал на ноги, прогулочным шагом обходя купе.

— Мы выясняли отношения, Грейнджер — развёл руками Драко. — И для любовного романа мы бы стали отличными героями.

От этих слов у неё перехватило дыхание, воспоминания о прошедших ночах, разговорах и чувствах к нему каруселью заструились в мыслях.

— А мы в детективе, — он присел перед ней, заглядывая чуть ли не в душу, словно пытался выискать там нечто сокровенное...

Когда Малфой увлечен, его глаза блестят по-особенному, в такие моменты они почти так же прекрасны, как его улыбка...

Гермиона заметила, что Драко шире ухмыльнулся и подмигнул ей.

— На какие комплименты вы способны, мисс Грейнджер, — присвистнул он.
— Я поражён.

На мгновение она застенчиво улыбнулась, а в следующую секунду свела брови к переносице и открыла рот, осматривая довольного Драко. Осознание, что он использовал на ней легилименцию буквально несколько секунд назад, а она этого даже не почувствовала, укололо самолюбие. Но главным оставался вопрос:

«А как давно он понял, что она здесь работает?»

— В тот вечер, когда ты на меня с лезвием кинулась, — сразу же произнёс он, не сводя с неё взгляда.

— И ты мне не сообщил? — возмутилась Гермиона, вскакивая на ноги.

— Когда? — он убрал руки в карманы брюк и подошёл к ней вплотную, смотря сверху вниз, словно коршун. — До или после того, как ты сказала, что не доверяешь мне, и приставила бритву к горлу?

Гермиона отшагнула от него, опустив глаза. Ещё несколько минут назад, стоя на морозе, она была готова извиниться перед ним, взять слова обратно и объяснить, но Малфой оставался Малфоем. Тот мужчина, который защищал её у Пуаро, вновь закрылся хитрым лисом, не упускающим возможности напомнить ей о содеянном...

Неужели мои слова настолько важны для него?.. Он слышал это?

Она посмотрела на него, но Малфой уже отвернулся и открывал дверь купе.

— Ты куда? — спросила она.

Драко выдохнул и устало оглядел её с ног до головы. Гермиона чувствовала исходящую от него обиду. Малфой зол, да, он сменил гнев на милость, но ненадолго. Казалось, что допрос и объятия на улице были исключением из его плана поиздеваться над ней.

— Не твоё дело, — медленно произнёс он. — Выберусь я, выберешься и ты. Жди.

И после Драко покинул купе, оставляя её в одиночестве. Гермиона несколько минут стояла и смотрела на закрытую дверь, надеясь, что он всё-таки вернётся, но Малфоя не было. Он ушёл, вероятней всего, в вагон-ресторан, вновь оставляя её одну, только в прошлый раз его фраза звучала вынужденной мерой, а сейчас — наказанием за непослушание...

Малфой никогда себя так не вёл.

Он мог кричать, возмущаться, отпускать грязные словечки и подтрунивать над ней. Это никогда не было больно, скорее обыденно. Но сейчас его взгляд с нотками разочарования заставлял её буквально гореть изнутри от нестерпимого стыда за сказанное. Теперь она понимала, что он испытывал последний год. Ведь Гермиона вела себя именно так, только у неё не было ни единого

основания, кроме собственных доводов, сплетённых из воздуха. А вот у Малфоя были причины чувствовать себя оскорблённым...

Ещё пару дней назад Гермиона допускала мысль, что они могут быть вместе и он совсем не против такого расклада. Она ощущала, как билось сердце Драко, когда спала в его объятиях, видела тёплую улыбку и ловила на себе тёплый взгляд, полный весёлых искр. Но она же это и разрушила...

Существовал ли шанс всё исправить? Попробовать заново. Начать с доверия, такого необходимого в любых отношениях.

Возможно, да. Только теперь действовать нужно иначе. Если первый шаг до этого совершал он, играл в прекрасного и оберегающего мужа и был готов сделать всё, чтобы помочь им выбраться, то теперь ей пора пойти ему навстречу и победить в злополучной битве за самую важную награду: спастись из книги, вернуть доверие Драко Малфоя обратно и не потерять его снова.

«Похож на Пуаро. Настолько же умён?» — звучали мысли Рэтчетта, пока он сидел напротив Малфоя в вагоне-ресторане.

В этот раз Драко решил действовать иначе. Никаких тёплых разговоров с Буком или Пуаро, наблюдений за парами и остальными пассажирами. Другие люди не играли роли сегодня, они будут важны исключительно завтра. А сейчас всё внимание должно быть приковано к самой эксцентричной личности поезда — будущей жертве с двенадцатью ножевыми в области груди.

Поэтому, зайдя в вагон-ресторан, Драко сел именно напротив Рэтчетта, заводя с ним незатейливую беседу касаясь антиквариата. Малфой помнил слова Бука, что жертва была не более чем торговцем хороших подделок великих произведений искусства. В тот момент Драко решил, что убийца либо конкурент, либо недовольный покупатель, но уже сейчас убедился, что теория ложна.

Сэмюэл Рэтчетт не был особенным. Никакой деловой жилки, навыка переговоров, способности к верной оценке предмета искусства или важных связей. Всё, что представляла из себя жертва, — пафосный преступник в дорогом костюме с огромным количеством денег и вагончиком удачи, не более того. А из этого следовал простой вывод: его смерть вызвана личным, более интимным и серьёзным, чем работа...

— Таскаю с собой дворецкого для всяких нужд, — пожал плечами Рэтчетт. — И переводчика, ведущего мои дела...

Драко усмехнулся, казалось, что его собеседник даже кичился тем, что понятия не имел, чем занимался.

— А вы здесь от жены прячетесь? — хмыкнул Рэтчетт, оглядывая почти пустой вагон-ресторан. — Видел рядом с вами привлекательную особу. Молчание таких дамочек стоит поездки в Кале...

— Неужели не подходит на роль миссис Малфой? — выгнул бровь Драко и сделал глоток из своего бокала с виски.

Рэтчетт рассмеялся, оголив жёлтые зубы. Сидевшие рядом полковник Арбэтнот и Мэри Дебенхэм косо посмотрели на него, а после встали и вышли прочь. Вагон-ресторан практически опустел, лишь полуспящий бармен у стены в дальней части, Драко и Рэтчетт.

— Я знаю таких людей, как ты, Малфой, — махнул рукой собеседник. — У вас есть титул и планка, которую семьи выстраивают годами. Никто не вправе её понижать.

Он ухмыльнулся, смотря в глаза Драко так, будто бы они говорили на одном, понятном лишь им языке. Сам же Малфой никак не мог взять в толк, в какой именно момент Рэтчетт стал вести себя с ним так, будто они старые друзья.

— А она, может, и симпатичная, но не особа твоих кругов, — пояснил Сэмюэл и откинулся на спинку кресла. — Уж слишком чистая для таких, как мы, Малфой.

Про себя Драко рассмеялся, поражаясь, что каждый, кто сходил с ним в двух или более взглядах, считал своей миссией сказать, какие они одинаковые.

Малфой же был уверен, что лишь издалека похож на Пуаро и Рэтчетта. Первому не хватало холода и беспринципности, а второму — чувства такта и умения вовремя замолчать. Но при этом между ними существовало сходство, особенно в неудержимом желании стать поближе к Драко, отпустить комментарии о Гермione и напомнить, что она отличается от других. Только в разных кондициях: либо она слишком идеальна для него, либо недостойна его. Оба из предложенных вариантов Малфоя не устраивали.

— Но так оно и есть, Рэтчетт. Дама, что со мной в купе, моя женщина, — с ухмылкой ответил Драко, видя удивлённый взгляд Сэмюэля. — И душой, и телом, и документально.

— Такие, как она, остерегаются нас. Твоя тебя не боится? — Рэтчетт склонил голову набок. — Все женщины в моей постели спали с ножом под подушкой.

Драко показательно ухмыльнулся, подавляя желание уйти. Воспоминания о дрожащей Грейнджер, что лежала за его спиной, боясь повернуться, терзали его сердце распалёнными чувствами. Драко знал: страх и недоверие — последнее, что любящий человек должен к тебе испытывать...

— Значит, были готовы вонзить нож в спину, — развёл руками Малфой.

— Не посмели бы, — ухмыльнулся Рэтчетт. — В этом и есть преимущество страха. Когда тебя боятся, ты неприкасаем.

— А когда тебя любят, ты силён, — продолжил Драко. — Нет лучше качества в человеке, чем преданность, Сэмюэл. А если женщина любима, то она останется рядом с тобой вопреки всему.

Рэтчетт замолчал. Он несколько минут внимательно смотрел на Малфоя. Драко чувствовал, как Сэмюэл терзался, словно не мог решить, высказаться или нет. Ещё несколько минут назад Малфой ни за что бы не подумал, что этот человек способен пропускать информацию через мозг, прежде чем её озвучивать.

Оглядевшись по сторонам, Рэтчетт выудил из своего пальто несколько свёрнутых листов. Драко заметил на них газетные вырезки. Из букв были сложены слова. Сэмюэл положил бумагу на стол, пальцами пододвигая к Малфой.

«Ты ответишь за всё».

«Поплатишься».

«Око за око».

Различные потёртости свидетельствовали о том, что послания хранились в одном и том же месте, однако дошли до получателя в разное время. Не до конца подсохший клей убеждал Драко в спешке, как и неровные края вырезанных букв, словно у того, кто составлял записки, дрожали руки во время их создания.

— Я подозреваю, что меня хотят убить в этой поездке, — тихо произнёс Рэтчетт. — Я разбираюсь в людях, Малфой, и вижу, что ты не глуп. Поэтому твоя помощь будет кстати...

Драко последний раз бросил взгляд на послания, а после посмотрел в глаза Сэмюэлю, который заметно помрачнел.

— С чего вы решили, что я буду помогать? — вопросительно выгнул бровь Малфой.

Рэтчетт, что до этого лишь ухмылялся и подбрасывал весьма нелестные шутки, оскалился. У таких людей был один рычаг давления, который Драко прекрасно знал и более того — обладал им в излишестве. Деньгами его не подкупишь.

— Сорок тысяч, — сказал Рэтчетт.

Драко несколько секунд смотрел на него, словно пытаясь понять, шутит он или нет. Но тот выглядел предельно серьёзно, судя по лицу Сэмюэля, сейчас ему не до юмора, он верил в свою смерть и был не так уж далёк от истины.

— У меня достаточно денег, — ответил Драко. — Поэтому не приходится работать телохранителем.

Малфой встал из-за стола и уже развернулся, собираясь уходить из вагона-ресторана, когда голос Рэтчетта заставил его замереть.

— Именно за подобные отказы я и стал получать такие записки, — ядовито произнёс Сэмюэл, ухмыляясь. — Но мне терять нечего, кроме жизни, а у тебя такая беззащитная жена...

Драко шагнул вперёд и нагнулся над Рэтчеттом, одной рукой он упёрся в спинку кресла, а другой — в крышку стола. Малфой смотрел в тёмные глаза, видя там огоньки злости и ненависти, которой Сэмюэл успел к нему воспылать.

— Если с её головы упадёт хоть один волос, — сквозь зубы процедил Драко, — то это, — он постучал пальцем по запискам, — станет меньшей из твоих

проблем, Рэтчетт. Я не запугиваю, а убиваю...

— Угрожаешь мне в поезде, забитом людьми? — Сэмюэл выгнул бровь.

— Нечто мне подсказывает, что каждый из них был бы не против твоей смерти, — Драко оттолкнулся от него и сделал несколько шагов назад. — Порой достаточно косога взгляда, чтобы нажить неприятностей.

С этими словами он вышел из вагона-ресторана. Драко уже собирался несколько раз пройти по коридору, чтобы привести мысли в порядок, но вдруг столкнулся с Гермионой. Заметив его, она тут же отвернулась к окну, делая вид, будто только что подошла.

Опять подслушивала...

Драко убрал руки в карманы брюк и медленно подошёл к ней, склонив голову набок. Гермиона же тяжело дышала, чувствуя, видимо, как он приближается.

Уже в который раз она подкрадывалась и узнавала то, что не должна. *Не сегодня и не сейчас.* Грейнджер поймёт, насколько дорогой может быть, но лишь после того, как осознает собственные ошибки. И как бы ему хотелось, чтобы это случилось скорее...

— Я знаю, что ты слышала, — произнёс он, обдавая дыханием её ухо.

Грейнджер вздрогнула, и он удовлетворённо кивнул, наслаждаясь реакцией. Драко аккуратно коснулся её волос, перебрасывая локоны с одного плеча на другое, оголяя тонкую шею. Он машинально потянулся к ней, медленно проводя подушечками пальцев по коже. Гермиона рвано втянула воздух, сильнее сжимая раму...

Она действительно прекрасна...

— Миссис Малфой, — голос Пьера заставил их посмотреть вперёд, — я уже постелил вам, можно отходить ко сну.

Гермиона выпрямилась и поправила волосы, после чего, даже не оглянувшись, двинулась в сторону купе. Драко наблюдал за её походкой — также Грейнджер обычно шла на задания, в которых была уверена.

Он улыбнулся мысли, что теперь стал делом Гермионы Грейнджер.

Гермиона вновь стояла к нему спиной, стягивая с себя приталенную блузку и тёмные брюки. Только в этот раз он не любовался стеной, а медленно расстёгивал рубашку, даже не смотря в её сторону. Никому из них не понадобилось озвучивать свою просьбу. Словно по велению только им понятного сценария они отвернулись друг от друга и начали переодеваться. Молча, слушая шелест одежды и тяжёлое дыхание.

Сейчас она уже не отводила взгляд от зеркала, краснея из-за вида полуобнажённого Драко. Сегодня она стояла прямо перед ним, ни капли не

смущаясь, и уже надевала бежевую сорочку. Сквозь отражение она видела, как Малфой тоже переодевается, от его медленных движений дыхание перехватывало, заставляя сознание рисовать картинку его прикосновений к её телу.

Диалог, невольным свидетелем которого она оказалась сегодня, стал точкой в её истории о недоверии и страхе к Драко Малфоя. Ни первого, ни второго уже не было, любые доводы против него гибли под гнётом убеждений «за». Она желала, чтобы он остался рядом, заботился так же, как в начале, заставлял краснеть, был нежен, а моментами груб. Ровно настолько, чтобы она ощущала себя независимой, но помнила, что всегда есть опора. А в обмен на это она хотела стать для него тем же, принять тьму внутри него, которая так пугала остальных.

Это было необычно. То, что она к нему испытывала. Впервые желания другого человека приносили не меньше удовлетворения, чем собственные. Подобное можно назвать чувствами — настолько сильными, что даже родное самолюбие готово погибнуть под их тяжестью.

— Уже не смущаешься? — усмехнулся он.

Гермиона повесила одежду на вешалку и развернулась к нему, ощущая, как холод от окна пронизывает тело. Босыми ногами она медленно подошла к Драко, вбирая в лёгкие побольше воздуха. Ей никогда не приходилось вести себя так, как она планировала сейчас, и от этого было в разы страшнее. Уже один раз она едва не потеряла его из-за неосторожных слов, второй может уничтожить надежду окончательно.

— А есть из-за чего? — тихо произнесла Грейнджер.

Её ладони легли на широкие плечи Малфоя. Она аккуратно провела пальцами по его телу, касаясь шеи и вен, вырисовывающихся сквозь бледную кожу. Гермиона чувствовала под руками бархат, необыкновенно нежный и вместе с этим грубый, словно олицетворяющий своего владельца.

В мгновение Драко резко развернулся, перехватывая её запястья и прижимая Гермиону ближе к себе. Он с явным недоверием смотрел в её глаза, словно пытался прочесть мысли. Но не выйдет, в её разуме пустота. Гермиона не думала, она могла только наблюдать за яркой радужкой и расширяющимися зрачками, что заставляли ток бежать по венам.

Поборов опасения, Гермиона подалась вперёд, прикрывая веки и касаясь его губ своими. Совершенно невесомо, будто боясь обжечься, она целовала его, но он словно онемел, стоя перед ней без признаков жизни. Драко отстранился и внимательно посмотрел на неуверенное лицо, где читалось смятение.

— Сначала определись с доверием, Грейнджер, — спокойно произнёс он, не отводя взгляда. — Ты же аврор, а не моя очередная шлюха.

С этими словами он отпустил её руки и двинулся к своей половине кровати, укладываясь на неё. Гермиона осталась стоять посреди купе, замерев, будто под гипнозом, от только что сказанных слов. Малфой умел играть на нервах, раньше он использовал лишь старые шутки и замечания, касающиеся её поведения, но не сейчас. Сегодня он убивал её другим оружием — тем, которым она пыталась

уничтожить его.

Пуаро бы ответил, что месть Малфоя красива, но Гермиона ощущала лишь привкус боли и сожаления. Теперь она точно знала, что её надежда погибла именно сегодня и в этом самом купе, а все слова, сказанные в вагоне-ресторане, были не более, чем хорошо отыгранным спектаклем для Рэтчетта.

Для неё с Драко всё кончилось, так и не успев начаться.

Гермиона провела рукой по горящим щекам, ощущая, как холод касается плеч. Заживо гореть в ледяном плену — вот её участь на ближайшую ночь. Спустя несколько минут она развернулась и подошла к кровати, укладываясь на свою половину. Её веки закрылись, а ладони легли на оголённые плечи, пытаясь их согреть.

Холод, исходящий от окна, тонкой струёй покатился по постели, касаясь её сквозь шёлковую сорочку, не согревающую даже самое морозоустойчивое создание. Она задрожала и в этот же момент почувствовала шевеление на другой части кровати. Драко придвинулся к ней, как в ту самую ночь, лёг настолько близко, что его грудь закрывала её спину от прохладного воздуха и согревала собственным теплом. Его рука опустилась на её ладонь, что лежала на животе, Малфой переплел их пальцы, а короткий поцелуй в плечо заставил Гермиону поверить, что не всё кончено.

— Ты дал мне согреться, — тихо произнесла Грейнджер в пустоту.

— Мы поговорим утром, — прошептал он, поглаживая её волосы. — На сегодня потрясений достаточно.

Гермиона улыбнулась и медленно кивнула, соглашаясь с ним. Малфой зарылся носом в её локоны, с жадностью вдыхая аромат духов, а после крепче прижал к себе. Ей уже не казалось, что он хотел лишь согреть её, но это было не важно, как и утренний разговор, и завтрашний день, и перспектива ближайшего будущего. Осталось лишь здесь и сейчас.

Акт 6 «Свидетель преступления»

Каждый студент Слизерина, аврор Министерства и любой, кому посчастливилось поработать бок о бок с Малфоем, знал, что он не прощает. Самое лучшее, чего ты можешь добиться, если сумел его задеть, — безразличие. У него не будет желания тебе мстить — вот лучший результат, с которыми предатель мог покинуть общество Драко. После первой промашки восстановить отношения с ним уже не станет реальным, как бы ты ни пытался...

Но у любого правила есть исключение, на то оно и правило. Блейз, мама, Поттер — все, как один, говорили ему, что однажды появится человек, с которым Драко не захочет разрывать связь, даже вопреки самой нещадной боли. Грейнджер не заставила его сильно страдать, скорее разочароваться, ощутить в душе пустоту и прочувствовать потерю. Но, несмотря на это, он не смог поначалу представить, как простит ей подобное.

Но Грейнджер стала тем самым исключением.

Это случилось не вчерашним вечером при её попытке поцеловать его, не ночью, когда она мирно посапывала на его груди, не утром, в свете зимнего солнца, освещающего её мирное лицо. В то мгновение, когда она вошла в вагон-ресторан с сожалением в глазах и искренним желанием забрать свои слова назад. В тот момент Драко казалось, что он видел, как это сочтется из неё ярким светом...

Именно тогда Малфой сделал её исключением, сам того не подозревая. Он словно забыл о своих правилах, принципах и взглядах. Рядом с ней они все испарялись, ломая любую преграду, которая могла остановить его на пути в её объятия. После лезвия у горла, сожаления, размером с Хогвартс, и попытки начать всё сначала он понял, что все возможные стены рухнули. Она останется рядом с ним. Его сильная Грейнджер, которая не боится, готова бороться, но вместе с этим в его руках становится невинным ангелом, пальцем вырисовывающим узоры на его груди прямо сейчас...

Её хотелось защитить, спасти от мира, что слишком жесток, и никогда не отпускать. Но так же, вопреки всему, с неподдельным восхищением лицезреть её смелость, желание идти вперёд и признание собственных ошибок. Грейнджер не любила делать последнее, он запомнил это ещё в школе, но ради него она была готова совершить первый шаг...

«Если за величественным мужчиной не стоит сильная женщина — этот мужчина слаб», — говорила Нарцисса своим подругам на званых вечерах.

В те моменты Драко искренне посмеивался, считая, что девушка рядом скорее обуза и рычаг давления, чем сила. Сейчас Малфой понимал, насколько оказался не прав. Можно быть чудовищем для всего мира, злодеем в сердце и истории каждого, но ты не умрёшь от сожаления и одиночества, если рядом будет та единственная. Та, кто примет любым, пойдёт против принципов ради тебя и даже за самый ужасный поступок обнимет и поклянется, что останется рядом.

Драко не являлся Тёмным лордом, чистым злом в сердцах миллионов, он был всего лишь способным аврором, который ломал преступников и испытывал от

этого удовольствие. И теперь Малфой знал, что после тяжёлого допроса, новости о суициде заключённого и тысячей пожеланий смерти ему есть куда прийти, ведь Грейнджер становилась для него домом, местом, где тебя примут любым...

И это оказалось самым важным — что для него, что для неё. Быть понятым, несмотря на каждую свою ошибку, иметь возможность даже через ссоры, крики и оскорбления прийти к близкому человеку, сесть рядом, прижаться к нему и получить взаимность. Без громких речей и обещаний, а в желанной хрустальной тишине...

Гермиона подняла на него взгляд. Её глаза в свете утреннего солнца переливались словно мёд — настолько же яркий, тягучий и затягивающий в глубины сознания. Она положила ладонь на его грудь, опираясь на неё, и придвинулась ближе к лицу Драко, нежно касаясь его губ невинным поцелуем. Именно это действие пробуждало в нём животный магнетизм, подталкивая наплевать на всё и остаться в книге навечно, только бы Грейнджер не сбежала...

— Не оттолкнул, — улыбнулась она, отстраняясь.

— А ты надеялась? — усмехнулся он, проводя ладонью по её спине.

— Нет, — произнесла Гермиона. — Знала, что не оттолкнёшь.

Её губы расплылись в улыбке, и Грейнджер тряхнула головой, отчего волосы ровными волнами опустились на обнажённые плечи. Она села на кровати перед ним, положив руки на свои колени.

— Это доверие?

Драко потянулся к её локонам, медленно поглаживая их, словно пытаясь запомнить, насколько они мягкие и пушистые. Внешне такие же, как на ощупь.

— За всю жизнь, — с улыбкой сказала она, — прикоснулись к моим волосам и остались без замечания лишь трое, Малфой: мои мать и отец и ты. Считаешь это доверием?

Он тихо рассмеялся, и Гермиона упала обратно на жёсткую кровать, утыкаясь носом в сгиб между его шеей и плечом. Её дыхание приятно обдавало кожу, волосы щекотали руки, а дивный голос становился лучше пения самой изумительной птицы. Грейнджер была превосходна. Во всём.

— Мистер и миссис Малфой! Скоро завтрак! — крикнул Пьер из-за двери купе.

Они оба замерли на несколько мгновений, наслаждаясь последними каплями беззаботности в своём нынешнем положении. В эти секунды тепло было особенно приятным, поза самой удобной, а общество — бесконечно важным. Происходящее казалось сном, одно лишнее движение — и конец, больше ты ничего не почувствуешь...

— Пора выбираться, — прошептала она ему на ухо и отстранилась, усаживаясь обратно на кровать. — Это дело нужно закрыть.

— Нет в тебе, Грейнджер, духа авантюризма, — покачал головой он и встал с постели, медленно шагая к вешалке. — Пьер, мы проснулись, прекрати стучать.

Проводник, стоявший за дверью, неразборчиво пробормотал фразу по-французски, а после ушёл прочь, судя по шагам, в сторону вагона-ресторана. Драко двинулся к стене, вслушиваясь в происходящее за ней, там царила тишина, и лишь стук колес поезда её разбавлял. Поняв, что там никого нет, Малфой обернулся к Гермионе. Улыбка на её лице, красные щёки и глаза, что горели энтузиазмом, заставили его усмехнуться.

— Сводим факты? — спросил он и подошёл к вешалке, снимая одежду. — Начнёшь?

Драко начал стягивать с себя штаны, спокойно переодеваясь, на мгновение он заметил сосредоточенный взгляд Гермионы, но как только посмотрел в её сторону — она его отвела.

Смешная.

— Мэри Дебенхэм и полковник Арбэтнот были знакомы ещё до событий книги, — произнесла Гермиона, тоже вставая с кровати. — Так не смотрят на случайного знакомого в поезде.

Гермиона взяла с полки карандаш, закрепляя с его помощью волосы на макушке, после чего потянула бретели сорочки вниз, стоя к нему спиной. Драко сглотнул ком, подступивший в горлу, и подавил желание подтолкнуть её обратно на кровать и не выпускать из объятий.

— Миссис Хаббард очень настойчиво уговаривала меня отдать тебе те таблетки, — сказал Драко и потянулся к брюкам, надевая их на себя.

Грейнджер замерла, всё ещё удерживая сорочку на груди, а после медленно повернула голову к нему, поджав губы.

— Сильнодействующее снотворное, — пояснила Гермиона. — Она хотела, чтобы мы хорошо спали той ночью...

Вот в чём было дело, Грейнджер посчитала, что я хочу усыпить её...

Теперь он понимал, откуда взялась паника в её глазах. Он весь вечер пропадал, пришёл поздно со снотворным в кармане, и в конце дверь их купе оказалась заперта. При собственной подозрительности он бы принял меры, а это Грейнджер...

— Где ты был тогда? — спросила она, не отрывая от него взгляда.

Драко протянул ремень в бляшку и поправил на себе брюки, после чего коснулся своей рубашки.

— Пьер очень настойчиво пытался спровадить меня из вагона-ресторана, — произнёс Малфой. — Поэтому я решил задержаться.

Сказав последнюю фразу, он очаровательно улыбнулся, замечая, как она тихо посмеивается.

— Рэтчетт считает, что его хотят убить, — продолжила Гермиона, отпуская сорочку.

Практически без одежды она стояла спиной к Малфой, расправляя брюки и рубашку на вешалке. Он видел тонкие изгибы талии, смуглую кожу, усыпанную родинками, и тонкие руки, что тянулись к костюму.

— И нас учтиво закрыли в купе, — заключил он и ощутил, как в горле пересохло от картины полуобнажённой Гермионы перед ним.

— Идеальное преступление, — протянула Грейнджер, застёгивая рубашку на груди.

Через мгновение она оглянулась на него, замечая, что Малфой всё это время смотрел в окно за движением поезда. Драко лишь сейчас осознал, что они видят один и тот же пейзаж, который циклично повторяется раз за разом, совершенно не меняясь.

— Было бы, — продолжила она и подошла к нему, помогая надеть пиджак. — Если бы мы не прожили его дважды.

Её прикосновения заставляли его чувствовать невообразимое тепло в душе, но, вопреки всем желаниям, дело стояло на первом месте. Им нужно было закончить его...

— Это не его настоящее имя, — вдруг произнёс Драко, вызывая недоумение на её лице. — Ни один человек здесь не тянет на покупателя поддельных произведений искусства. А значит, враг Рэтчетта кроется в его прошлом...

— С ним нужно поговорить, — тут же выпалила она.

Малфой развернулся к Гермионе, широко раскрыв глаза. Он всё ещё помнил угрозу Сэмюэля вчерашним вечером и совершенно не хотел проверять, на что выдуманный кем-то маггл способен.

— Ты не будешь этого делать, — строго сказал он.

— Я и не думала, — пожала плечами она, отводя взгляд.

Драко выдохнул и взял её за подбородок, заставляя посмотреть на него. Грейнджер хотела сделать именно это, собиралась пойти к человеку, который вчера угрожал её жизни. Для Малфоя сама мысль о том, что тот способен сотворить с ней даже словами, была отвратительной. Он не мог позволить ей слушать Рэтчетта, пытаться понять его или проявить к нему сострадание. Чтобы он ни сделал, его убили за что-то, а судя по поведению, на это существовала весомая причина.

— Я всего лишь хочу разузнать о нём у пассажиров, — пояснила Грейнджер. — А тебе бы не мешало пообщаться с его секретарём. Маккуин падок до виски и длительных бесед. Вы найдете темы для разговора.

Она последний раз провела пальцами по его плечу, а после мило улыбнулась, прежде чем покинуть купе и отправиться на завтрак. Драко провожал её

взглядом, не веря ни единому слову. Да, было важно доверять, он сам просил от неё именно этого. Но Драко слишком хорошо знал Гермиону Грейнджер, чтобы так просто поверить, будто она не будет идти в самое пекло ради победы...

День близился к вечеру. За сегодня Гермиона успела пообщаться практически с каждым пассажиром Восточного экспресса: от служанки графини Драгомировой до упрямой миссис Хаббард, дочь которой, видит Мерлин, была либо выдуманной самой Кэролайн, либо самым идеальным ребёнком на свете. Настолько хорошо мать отзывалась о каждом её шаге. А выслушать Гермионе пришлось их немало: вся подноготная с младенчества до современных лет была рассказана в мельчайших подробностях за последние три часа.

Была бы её воля — Гермиона бы уже давно покинула злосчастный вагон-ресторан, в котором провела практически весь день. Но этой возможности её лишил Малфой, не нашедший места для общения с Маккуином лучше, чем столик рядом. Драко, будто читая её мысли, появился здесь в первый час после её ухода и оставался до сих пор. Он лишь веселее продолжал общаться с Гектором и иногда бросать в её сторону приветливые взгляды.

Словно стерёг.

— А потом она...

— Миссис Малфой, — голос Мэри заставил Гермиону с надеждой оглянуться на неё. — Не могли бы вы помочь мне в купе?

— Разумеется, — тут же произнесла Грейнджер, поднимаясь на ноги. — Прошу прощения, необходимо...

— Да, конечно, — усмехнулась Хаббард, а после отвернулась, смотря на Наталью Драгомирову.

Мэри коротко кивнула Гермионе в сторону выхода, и они быстрыми шагами покинули вагон-ресторан. Уходя, Грейнджер спиной чувствовала пронизывающий взгляд Драко, провожающий её.

Выйдя в коридор, дамы прошли всего несколько метров, добираясь до вагона с купе. Там Мэри кивнула Гермионе и попросила её всегда обращаться, если потребуется покинуть чьё-то надоедливое общество. В ответ на это Грейнджер рассмеялась и махнула рукой, хотя сама в душе искренне благодарила Мэри, вовремя появившуюся рядом.

После Дебенхэм напомнила о засовах, которые просила Гермиону лучше закрывать, чтобы не спать на сквозняке, и стремительно покинула её, ссылаясь на плохое самочувствие. Гермиона пожелала ей выздоровления и с облегчением выдохнула, когда Мэри скрылась за дверью купе. Грейнджер было нужно остаться одной.

Нет лучше добычи для волка, чем потерянный кролик. А Гермиона отлично умела играть запуганного зверя...

— Миссис Малфой? — голос не заставил себя долго ждать.

Втянув в лёгкие побольше воздуха, она обернулась, смотря в глаза, полные заинтересованности. В этот раз её вновь постигло неприятное чувство. Близость с Рэтчеттом заведомо была отталкивающей, словно тебя окунули в чан с концентрированной смертью и заставили там дышать.

Гермиона опустила голову и кивнула, натягивая на себя маску расстройства и сожаления.

— Вам помочь? Выглядите обеспокоенной, — играл заботу он.

— Я, — она выдохнула и обняла себя за плечи. — Мы с мистером Малфоем немного повздорили и...

— Не нужно лишних слов, — он поставил ладонь перед собой и открыл дверь купе, кивнув на вход. — Вы можете пока побыть у меня, чтобы успокоиться...

Глаза Сэмюэля опасно блеснули. Гермиона сглотнула ком, подступивший к горлу от осознания, что перед ней убийца. Его выдавал именно взгляд за шаг до победы, все преступники так смотрели, когда предвкушали скорую расправу. У них, будто у хищников, поблёскивали радужки от света ламп, освещая зрачки, что наливались кровью будущей жертвы.

Когда Грейнджер заметила подобное в Рэтчетте, ощутила, как мороз подступает к затылку, заставляя волосы встать дыбом.

Она была аврором, видела этот ужасный блеск не раз и в эту минуту лишь больше осознавала, на что шла. Но другого выхода не было. Чтобы раскрыть преступление, нужно действовать здесь и сейчас. Поэтому, вопреки всем инстинктам самосохранения, чутью и здравому смыслу, она благодарно кивнула и вошла внутрь купе, слыша, как дверь за ней закрывается.

Пути назад нет. Изучай.

Взгляд Гермионы заскользил по неубранному помещению: вещи не были повешены, а валялись везде, включая пол и кровать, на полке стояли бокал и дорогая бутылка виски, а у раковины виднелась горсть таблеток. Ей не хотелось знать, что именно он употреблял, но факт был налицо. Страх диктовал ей присмотреться к возможному оружию.

Грейнджер ощутила лёгкий толчок в спину, а когда обернулась, то увидела, как Рэтчетт указывает ей на кровать, предлагая присесть. Она кивнула и медленно подошла к постели, усаживаясь на скомканные простыни и собирая руки в замок на коленях.

— Я знаю, что вам нужно, — произнёс он и подошёл к полке, отворачиваясь. — Хороший виски.

Гермиона слышала, как он шатается от раковины к столику, наливая ей напиток. Уже по звуку, когда он мял таблетки, она понимала, что пить несчастное пойло не будет. Ему это не понравится. Поэтому нужно скорее искать улики, зацепки, что угодно, что могло бы помочь узнать его истинную личность и хотя бы грамм прошлого.

За что бы зацепился Драко?

Грейнджер мазнула взглядом по постели, не видя ничего, кроме крошек, сигаретного пепла и нескольких пятен кофе. После она осмотрела столик, замечая там кучу неразобранной документации, далее Гермиона с любопытством начала вчитываться в корреспонденцию, пытаясь найти иное имя, но во всех стояла именно его фамилия, что не упрощало дело.

В одно мгновение Гермиона опустила глаза вниз, прямо под столиком она заметила упавший лист с вырезанными из газет буквами. Практически те же, что описывал Малфой. Только разница между ними в том, что на записке, валяющейся на полу, было имя.

«Ты поплатишься за смерть Дейзи Армстронг», — гласили слова, которые она со скоростью света начала прогонять в голове, пытаясь вспомнить, где могла слышать это имя...

— Всё готово, — с улыбкой сказал Рэтчетт и присел рядом с ней на кровать, протягивая бокал.

Гермиона отодвинула его от себя, что не осталось без недовольного взгляда Сэмюэля. В следующую секунду он уже более грубо попытался всучить напиток ей в руку.

— Простите, я не пью, — покачала головой она. — Беседа помогла бы мне пережить тяжелый период...

Ей хотелось верить, что даже у ужасного преступника книги может быть чувство сострадания, но нет, она ошиблась.

— Слова, миссис Малфой, как пыль. Сейчас они есть, а через минуту нет, — произнёс он и с силой заставил её взять бокал.

Гермиона медленно повернула голову, замечая на его пальце перстень с буквой «К». После её взгляд скользнул выше по выглаженному костюму, пока наконец-то не встретился с глазами, полными жестокости. Мурашки пробежали по спине, она по инерции сжала бокал крепче. Всё намного хуже, чем Грейнджер себе представляла.

— Думаю, мне пора, — она с характерным звуком поставила бокал на стол и тут же подскочила на кровати, собираясь уйти.

Но Рэтчетт оказался быстрее, он встал вплотную к ней, смотря сверху вниз. И если в Драко в подобные моменты она видела любовь и тягу, то в Сэмюэле — лишь жестокость и самодурство.

— Миссис Малфой, невежливо так скоро уходить, когда вы уже пришли, — медленно сказал он, выделяя последние два слова.

Гермиона продолжила стоять и смотреть на него в упор.

— Мистер Рэтчетт, мне жаль, что я вас расстроила, но мне правда хочется уйти, — более жёстко произнесла она.

— Вы меня, верно, не поняли, — сквозь зубы процедил он, а в следующую секунду оскалился. — Вы никуда не уйдёте.

И тут она заметила его руку, что тянулась к её шее, и пистолет, заправленный в брюки под пиджак. Мгновение, и Гермиона придвинулась к нему, вытягивая оружие на себя. Увидев, как он пытается сомкнуть пальцы на её коже, Грейнджер отшагнула назад и направила револьвер в голову Рэтчетта. Годы тренировки с палочкой научили стрелять метко, особенно когда тебе нужно спасти друга на тренировке по квиддичу.

Сэмюэл поднял ладони перед собой, с истеричной ухмылкой смотря на Гермиону, и покачал головой.

— Деточка, ты хоть знаешь, как этим пользоваться? — прищурившись, спросил Рэтчетт.

— Я отлично знаю, как выстрелить так, чтобы вас не смогли опознать, — ответила она.

Он замер. Несколько секунд Сэмюэл осматривал её, а уже после понял, что перед ним предстала далеко не представительница высших чинов или даже торговцев.

— На кого вы работаете? — со злостью произнёс Рэтчетт.

— На правосудие, — ответила Гермиона. — И лучше бы вам сейчас выпустить меня, если не хотите оказаться в месте, где такие игрушки изымают при входе...

Сэмюэл замолчал, пару минут он просто смотрел на неё, видимо надеясь, что она сдастся. Но Гермиона, будто сама являлась преступником, стояла с маской холода на лице и сверлила его взглядом. Не выдержав, Рэтчетт, тяжело дыша, сделал шаг вбок, давая пространство для выхода. Грейнджер вобрала в лёгкие побольше воздуха, а уже через мгновение медленными шагами двинулась вдоль стены, наставляя оружие на него. А он, словно не собираясь сопротивляться, лишь смотрел на неё, не предпринимая попытки наброситься.

Когда Гермиона оказалась около выхода, то рукой приоткрыла дверь купе, поворачивая голову.

— Я бы хотела убить вас здесь хотя бы за содержимое бокала, которым вы планировали меня напоить, — с ухмылкой произнесла она, кладя пистолет на полку у выхода. — Но вас есть кому судить...

С этими словами она сделала последний шаг назад, выходя в коридор, а после с грохотом закрыла дверь купе, стремительно двигаясь в сторону собственного. Гермиона не желала оглядываться или вслушиваться в шаги, ноги сами несли её вперёд, прямо до конца вагона, где разговаривали Драко и мсье Бук.

— Миссис Малфой, — довольно протянул последний, смотря на неё. — Вы с каждым днём всё краше.

— Благодарю, мистер Бук, — натянуто улыбаясь, ответила Гермиона. — Я

украду у вас ненадолго Драко?

В ответ ей кивнули, и она сделала пару шагов к своей двери, внимательно смотря на Малфоя. Тот, заметив на лице Гермионы волнение, опустил взгляд на её руки, которые тряслись.

— Только не говори, что...

— Я узнала, — выпалила она и осмотрелась по сторонам. — Всё это связано с некой Дейзи Армстронг.

— Армстронг? — чуть громче спросил Драко.

Гермиона уже собиралась рассказать всё, что ей удалось узнать, но рядом с ними в то же мгновение возник Бук, что услышал знакомую фамилию.

— Вы всё о той ужасной истории из Америки? — уточнил он, на что получил удивлённые взгляды пары. — Три года назад, смерть девочки. Вы не слышали?

Драко и Гермиона синхронно покачали головой. Брови Бука взмыли вверх от удивления, а после он, оглядевшись по сторонам, быстрыми шагами подошёл к ним, стараясь говорить так, чтобы его никто не услышал.

— Армстронги были хорошими людьми, почитаемыми, — Бук облизнул губы. — Но горе настигло и их. Банда, что похищала детей, украла их дочь, Дейзи, требуя выкуп. Семья без раздумий отдала деньги, но девочку нашли уже мёртвой...

Ты ответишь за Дейзи Армстронг...

Содержание записки вторило эхом в голове Гермионы, заставляя её всё больше ненавидеть Рэтчетта. За эти пару минут, пока она слушала рассказ Бука, Грейнджер уже успела пожалеть, что не убила его первой...

— Но и тогда судьба не сжалась над ними, — горько произнёс Бук. — Во всём обвинили горничную, Сюзанну. — Гермиона ощутила, как Драко взял её за руку, успокаивающе поглаживая. — Её признали виновной, а она выбросилась из окна, не выдержав этого.

Грейнджер крепче сжала ладонь Малфоя, чувствуя, как холод бежит по спине.

— Следом умерла мать Дейзи, Соня Армстронг. Женщина не смогла смириться со смертью дочери. — В сердце Гермионы кольнуло, словно нож медленно проникал в душу, терзая её. — Последним был мистер Армстронг. Потеря семьи заставила его проглотить пулю, — покачал головой Бук, тяжело дыша.

Грейнджер нервно поджала губы, поражаясь истории. Одно происшествие понесло за собой столько смертей и страданий...

— И при всём нашли того, кто это сделал. Виновника всех бед, Кассетти, — злился Бук, его взгляд ожесточился, а руки сами сжались в кулаки. — Но деньги же решают всё? Его оправдали, и он бежал из Америки. Сейчас где-то далеко,

под другим именем строит козни...

«К» означает Кассетти...

Осознание ледяной волной окатило Гермиону с ног до головы, расставив мотивы убийцы точно по порядку. Сначала запугивания, после записки, чтобы запутать в причине, а дальше, когда у Рэтчетта не остаётся шанса сбежать, он получает последнюю. Тот, чьей жертвой стал Сэмюэл, готовился к преступлению не один месяц, а значит, всё должно пройти идеально.

И в этот раз Гермиона понимала — мешать она не будет.

Общие проблемы, дела, интересы, события объединяют даже самых разных людей. Можно не обратить внимания на человека, который будет проходить мимо в поезде, но потом найти в нём отдушину, если он способен разделить чужое горе. Можно яростно ненавидеть напарника за собственные чувства и невзаимность, но с надеждой вжаться в его грудь, когда он окажется рядом. Можно мечтать сломать шею той, кто не даёт тебе жизни, но именно она заставит твоё сердце биться чаще.

Общее сближает, и порой это не проблема, смерть или страдания, а нечто более тёмное. *Потому что ничего не объединяет людей так хорошо, как ненависть, и не связывает туже мести.*

Гермиона и Драко стояли рядом, прижавшись к едва приоткрытой двери купе. Они знали, почему их закрыли в первый раз, и понимали, что произойдёт ночью. Оставался вопрос, кто именно зайдёт к Сэмюэлю, оставит двенадцать ножевых и выйдет так, будто бы ничего не произошло.

Но Драко точно знал один исход: он поймёт этого человека, потому что смерть Рэтчетта была для него правосудием. Возможно, не таким явным, как видит его закон, но верным. Тому, что сделал Кассетти, не существовало оправданий, смягчающих обстоятельств или сожаления. Малфой понимал, что названная «жертва» не сокрушалась от совершенного, напротив, скорее всего, он даже упивался собственной гениальностью.

Хороший улов для бандита и убийцы. Запачкать руки в крови единожды, чтобы погибло четверо, десятки людей страдали, а на семейном кладбище не осталось места. Рэтчетт гордился собой, Малфой был уверен. Будь влияние Тёмного лорда чуть сильнее, а Нарцисса слабее, Драко бы и сам вступил на эту дорогу, и она бы казалась ему правильной...

Придумать оправдание, причину, обвинить в грехах весь белый свет, законы, правительство и природу может каждый. Но найти в себе силы творить тёмными руками светлые дела удавалось единицам. Это грань, по которой идёшь, стараясь оставаться верным убеждениям, нежели собственному желанию уничтожать...

— Здесь замешан не один человек, — произнёс Драко, прижимаясь к Гермионе со спины.

— Мама сказала, что книга о разных людях, которые стали поделельниками, — прошептала она, стиснув пальцами дверной проём.

— У такого послушного аврора мать читает преступные романы, — ухмыльнулся Драко, качая головой. — Она у вас, мисс Грейнджер, оказывается, очень испорчена.

Гермиона усмехнулась и обернулась на него, закатив глаза.

— А что читала ваша мама, мистер Малфой? — спросила она, смотря на Драко.

— Любовные романы о тяжёлой любви, которые заканчиваются свадьбой, — заметил он. — И судя по твоему поведению последний год, — его рука скользнула к девичьей талии, с силой её сжимая, — все девушки хотят начать отношения эффектно и через тысячу преград.

Драко заметил, как она игриво поджала губы и опустила взгляд. Спустя мгновение её пальцы скользнули вверх, и она положила свою ладонь поверх его, посмотрев ему в глаза.

— А у нас отношения? — спросила Гермиона.

— Нет, Грейнджер, — строго ответил Драко. — Я просто не собираюсь отпускать тебя ближайшую вечность. Но нет, у нас не отношения.

Она тихо засмеялась, а после он ощутил, как её пальцы переплелись с его. Грейнджер некоторое время смотрела ему в глаза, нервно улыбаясь, словно пытаясь околдовать. И этому проклятию он бы поддался с превеликим удовольствием. Сейчас Драко ничего не хотел больше, чем нагнуться и вновь коснуться её губ, почувствовать, как она вместе с ним отдаётся желанию, не думая ни о чём другом.

Послышались перешёптывания. Гермиона мгновенно прижалась к двери, сквозь щель высматривая, кто именно заходит в купе к Рэтчетту.

— Драко, — медленно прошептала она.

Малфой взглянул над её головой и увидел, как миссис Хаббард, та милая женщина, болтающая про дочь и всучившая ему снотворное, запускает к себе практически всех, кто находился в поезде. Ирония, ведь внутри её купе была смежная дверь к Рэтчетту.

Драко и Гермиона посмотрели друг на друга, а после вновь в коридор, узнавая пассажиров. Там были и Гектор Маккуин, секретарь Рэтчетта, и Мэри Дебенхэм с полковником Арбэтнотом, и Эдуард Мастермэн, слуга в будущем убитого, княгиня Драгомирова со служанкой Хильдегардой Шмидт, граф Андруни, Грета Ольсон, Антонио Фоскарелли, Сайрус Хардман, а завершал этот путь не кто иной, как проводник экспресса — Пьер Мишель.

Они, будто чудовища в ночи, проникали в купе тонкой струёй, стараясь сохранять мнимую тишину. И вот за ними дверь закрылась.

Через мгновение Гермиона и Драко услышали сдавленный вскрик. Это был

Рэтчетт. Двенадцать человек, практически все, кто находился в поезде, убивали его прямо сейчас.

— Суд присяжных, — прошептала шокированная Гермиона.

Драко удивлённо взглянул на неё, и она обернулась, внимательно смотря в ответ. В глазах Гермионы не было сожаления или боли оттого, что они слышали чужую смерть. Лишь осознание очевидного.

— В мире маглов нет Визенгамота, — пояснила она. — Есть суд присяжных, который, выслушав все показания дела, принимает решение об участии подсудимого, — она сделала паузу, откидывая голову на дверной косяк. — И их двенадцать. Двенадцать человек определяют судьбу одного.

— Нам говорили о двенадцати ножевых, — медленно подытожил Драко.

Малфой не знал их мотивов, не понимал, зачем им всё это нужно, но прекрасно осознавал единственную верную мысль — смерть Рэтчетта являлась правосудием. По всем стандартам магловского мира группа людей убивала преступника, свершив над ним свой суд.

Следующим вечером — уже после того, как Гермиона и Драко пришли к Пуаро, рассказав об увиденном, — все пассажиры экспресса «Стамбул-Кале» оказались в излюбленном вагоне-ресторане. Помощь должна была подоспеть уже скоро к застрявшему на рельсах поезду, поэтому сыщику всё не терпелось поведать, какое же дело предстало перед ним в злополучной поездке.

— Иногда внешние обстоятельства мешают осуществлению даже самого гениального плана, — произнёс Пуаро, рассказывая вторую версию происходящего. — Я долго не мог понять, что же именно случилось ночью в экспрессе. Но в момент, когда уже отчаялся, на пороге этого вагона показалась достопочтенная пара. С ответами на вопросы, которыми я неустанно задавался всё утро и целый день.

Гермиона ощутила на себе злой взгляд по меньшей мере пяти человек. Заметив состояние Грейнджер, Драко провёл рукой по её спине, медленно и аккуратно, словно успокаивая. Мурашки пробежали по её коже, заставляя незаметно выгнуться вперёд и тяжело выдохнуть от предвкушения скорого возвращения.

Ей хотелось домой. Теперь особенно пылко.

— Но обо всём по порядку, — с ухмылкой произнёс Эркюль. — Прежде всего мое внимание привлекли два обстоятельства. Первое — как необычайно трудно доказать вину любого отдельно взятого пассажира. И второе — в каждом случае есть показания, подтверждающие алиби того или иного лица. Будто бы все в этом вагоне сговорились между собой, скрывая одну ужасную тайну...

И Пуаро начал свой рассказ. И о том, как его осенило, что практически все пассажиры вагона оказались причастны к убийству Рэтчетта, и о том, что убивали они все вместе. Их план был проработан до каждой мелочи, за

исключением неожиданной остановки поезда и нескольких неучтённых пассажиров.

— Если с месье Буком проблем бы не возникло. Всё-таки он лицо компании и не пристало ему совать свой нос в чужие дела, — Бук усмехнулся словам друга, — то я, как сыщик, и дорогие мистер и миссис Малфой стали для вас серьёзной преградой.

Гермиона заметила, как миссис Хаббард покраснела...

— И если меня вы устранять не осмелились, то к чете моих дорогих друзей отнеслись с особенной учтивостью, — Пуаро посмотрел на Мэри. — То вы убеждали миссис Малфой закрыть дверь на засов, чтобы она не замёрзла, — Эркюль перевёл взгляд на миссис Хаббард, — то вы преподнесли мистеру Малфой отличное снотворное, когда его жена покинула вагон-ресторан, — сыщик обернулся на проводника, — то Пьер пытался всеми силами заставить мистера Малфоя уйти спать, пока и вовсе не нашёл мсье Бука, который сделал это за вас...

Пуаро распинался очень долго, выуживая всё больше новых деталей происходящего. Гермиона так и не смогла понять, откуда взялась добрая часть из них, ведь аргументы «я сказал, что вы кухарка, вы признались, что да, и я точно знаю, что вы работали на Армстронгов» звучали слишком часто и редко вязались с чьими-то показаниями.

На мгновение ей даже привиделось, что у Пуаро в пиджаке запрятан сценарий с полным описанием убийства, с которого он и читал, чтобы объяснить читателю свою гениальность. Но именно этого, по мнению Гермионы и Драко, ему не хватало. В Эркюле, кроме напыщенности и таланта к провокациям, не имелось ничего выдающегося. Его аргументы были подкреплены догадками, большая часть мотивов создана из воздуха, а факты оказывались чистосердечным, подслушанным им в коридоре. Пуаро не являлся хорошим сыщиком. Он просто был персонажем, которого выбрали. Ни больше, ни меньше.

— И остаётся вопрос: почему же вы совершили убийство?

Театральная пауза явно досталась ему со времени Шекспира. Но это не меняло того, что дело раскрыто. И по его итогу выяснились некоторые факты.

Гектор Маккуин оказался не просто секретарём, а сыном прокурора, которого заставили отпустить Рэтчетта.

Эдуард Мастермэн, самое приближенное лицо к жертве, когда-то являлся лакеем полковника Армстронга.

Пьер Мишель, проводник вагона «Стамбул-Кале», был отцом погибшей горничной Сюзанны.

Мэри Дебенхэм являлась хорошей гувернанткой, но не менее отличным секретарём семейства Армстронгов.

Полковник Арбэтнот, человек чести и достоинства, в прошлом был боевым другом полковника Джона Армстронга, спасшего ему жизнь.

Известно, что княгиня Драгомирова дружила с Линдой Арден, бабушкой убитой Дейзи Армстронг, она не могла остаться безучастной, да и к тому же её горничная, Хильдегарда Шмидт, была кухаркой в доме Армстронгов.

Рудольф Андруни имел непосредственное отношение к этой семье, ведь его глубоко уважаемая и такая любимая супруга являлась сестрой Сони Армстронг, именно её племянницу убили.

Грета Ольсон винила себя в смерти Дейзи больше всех, ведь была няней маленькой девочки...

Антонио Фоскарелли, улыбчивый итальянец, расположивший Гермину ещё в первый день, также был причастен к убийству. Он являлся шофёром Армстронгов.

Сайрус Хардман, человек теневой и, по словам Рэтчетта, работающий на него из-под полы, когда-то любил Сюзанну.

И завершала список женщина, которая казалась самой недалёкой и странной в поездке, та, кто вечно говорил о дочери, раздавал советы и наводил шуму. Миссис Хаббард не существовало, а вот Линда Арден, чья внучка, дочь и зять погибли из-за Кассетти, была прекрасной актрисой.

Она собрала их всех в одном рейсе «Стамбул-Кале», чтобы осуществить возмездие, такое необходимое и важное для неё самой.

— А мне всегда хотелось играть комедийные роли, — горько усмехнулась Линда, опустив голову, а после посмотрела на Гермину. — Ничего дурного, мистер и миссис Малфой. Мы бы не причинили вам вреда, вы просто оказались...

— Лишними, — закончил за неё Драко.

Линда утвердительно кивнула, пряча лицо в руках.

— Миссис Арден, — произнёс Малфой, заставляя её и всех сидящих взглянуть на себя. — Вы поступили правильно.

Гермина посмотрела на Линду и увидела то, что не замечала ни в одном человеке здесь. В глазах выдуманной миссис Арден была боль, настолько сильная, будто бы она являлась не героем романа, а живым человеком, потерявшим всё. От слов Драко Линда кивнула и слабо улыбнулась, словно его мнение правда было для неё важно.

Брови Бука поползли вверх, а Пуаро усмехнулся, качая головой. Он не ждал от этого человека другого.

— А что именно рассказать полиции, когда она приедет? — Эркюль повернулся на Бука. — Решать тебе, мой друг. Будешь ты солидарен с мистером Малфоем или потребуешь иного — это твой выбор...

Бук задумался. Несколько минут он смотрел перед собой, словно пытаясь решить для себя загадку великой важности. Уничтожить двенадцать человек или всё же принять, что иногда смерть может быть во благо. По своей серости этот вопрос был самым сложным из тех, на которые ему доводилось отвечать.

— Я думаю, что на одной из станций сюда проник неизвестный и заколол мистера Рэтчетта. А после, ещё до остановки, сошёл. Так и оставшись загадкой...

Как только слова Бука рассеялись в тишине вагона, Гермиона ощутила, что мир вновь начинает рассыпаться перед глазами. Драко притянул её к себе, она оплела руками его шею и прижалась ближе, замечая, как вокруг начинает вырисовываться привычный кабинет Аврората.

Люди сменялись пустотой, большие окна и снег за окном — тремя столами и книжными шкафами. Ароматы, цвета, мир вокруг — всё менялось, пропуская их в реальность.

Когда Гермиона распахнула веки, отшагнула, упираясь в свой стол. Она опустила голову вниз, смотря на книгу и цепочку артефакта, лежавшего в ней. Того самого, который сводил с ума...

— У нас получилось, — произнесла она и положила роман на стол.

— Теперь ты со мной не в замкнутом пространстве, — с ухмылкой протянул Малфой, смотря в её глаза. — Что скажешь, Грейнджер? Мы сработаемся?

Гермиона улыбнулась и вновь шагнула к нему, прижимаясь ближе к телу Драко и касаясь его губ своими. Руки Малфоя опустились на её талию, притягивая к себе. Поцелуй со вкусом уже выпитого огневиски, классического детектива и прошлого.

— Вы тут не переубивали друг...

Зашедший Гарри так и замер около двери, удивлённо смотря на друзей, которые лишь десять минут назад кричали на весь этаж, а теперь целовались, прижавшись друг к другу...

— У нас для тебя три новости, — начала Гермиона, отстранившись от губ, но всё ещё оставаясь в объятиях Драко.

— Грейнджер разобралась, что за артефакт, — продолжил Малфой.

— Я остаюсь в Аврорате с Драко, — улыбнулась она.

Последнее слово, произнесённое Гермионой с небывалой нежностью и наслаждением, заставило Малфоя искренне улыбнуться. Он взглянул в её глаза, замечая там блестящие искорки, а после облизнул губы и прошептал:

— И я стал для неё «Драко»...

Примечание к части

Это работа стала моим триггером, потому что я до сих пор не могу понять какой она получилась. С одной стороны я и сама в лёгком шоке, что детектива здесь не вышло, а с другой стороны понимаю, что и книга, и её герои подтолкнули меня раскрыть совершенно другую грань, а именно понятие правильного и неправильного. Надеюсь, что я вас не разочаровала...

Данная работа также будет входить в мой печатный сборник, друзья, предзаказ которого стартует уже в этом месяце) Если она или другие мои работы понравились вам - прошу ко мне в канал <https://t.me/friendmalfoy> . Все анонсы, размышления, информация о моих работах и порядке и получения (хех) доступна там)